

Russian Journal of Legal Studies

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7448
2018. 5(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Polyakova Lybov – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Kulish Anatoly – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Nevostruev Andrew – Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Khasimova Leisan – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, MIAR, ERIH PLUS**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska
str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak
Republic, 831 04

Release date 20.09.17.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal25.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing
House Researcher s.r.o. Order № 8.

© Russian Journal of Legal Studies, 2018

Russian Journal of Legal Studies

2018

Is.

1

C O N T E N T S

Articles and Statements

On the Legal Status of Medicinal Products in the EU and the UK P. Biriukov	3
Overview of Different Approaches to GMO legislation D. Dabovic	10
Sexual Violence against Minors in the Criminal Legislation of the Republic of Serbia T.M. Khusyainov	22
The Impact of International Information Security on the Exercise of the Right of Peoples to Self-Determination S.E. Smirnykh	30
Provision of Agricultural Land Law in Vietnam: Reality and Petition for Changes Luan Nguyen Thanh	40
Computer Crimes as a Part of Information Crime in Russia: Problems of Counteraction V.V. Vorobyov	49

Reviews

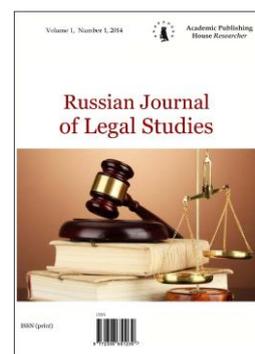
Review: Tymofeyeva A. Non-Governmental Organisations under the European Convention on Human Rights: Exceptional Legal Standing. Monografie. RWW Science and New Media Passau-Berlin-Prague, 2015 338 p. ISBN 978-3-9816855-9-6 A.A. Moiseev	58
--	----

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russian Journal of Legal Studies
 Has been issued since 2014.
 E-ISSN: 2413-7448
 2018, 5(1): 3-9

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.3
www.ejournal25.com

Articles and Statements

On the Legal Status of Medicinal Products in the EU and the UK

Pavel N. Biriukov ^{a, *}

^aVoronezh State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the legal status of orphan medicinal products in the EU. The author examines the EU documents in relation to the development, registration, production and sale of orphan medical products. The author studies the main stages of the registration of orphan medicinal products at the EU level. Special attention is paid to delegated documents of the Commission. In this article, some provisions of EU law are set forth by the author in a form adapted for understanding by Russian lawyers. The author shows how EU member states implement EU rules. The UK conducts a timely transposition of the provisions of the EU documents into the national legal system.

Keywords: the EU, the European Medicines Agency, the Committee for Orphan Medicinal Products, medicinal product, UK, implementation of EU-rules.

1. Введение

В настоящее время лекарственные средства (англ. – medicinal product) разрешаются к использованию на уровне ЕС Европейской комиссией, а на национальном уровне компетентными органами государств-членов. В ЕС приняты специальные правила в отношении педиатрического применения лекарственных средств, лекарственных трав, вакцин и клинических испытаний (*Orphan medicinal products, 2018*). После выхода на рынок безопасность лекарств контролируется на протяжении всего срока их использования через систему фармнадзора ЕС (*Aronson, 2006: 243-245; Kesselheim et al., 2011: 2320–2326*).

2. Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы ЕС и Великобритании, материалы журнальных публикаций.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подхода различных государств к проблеме правового статуса лекарств. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах на действующие ныне международно-правовые и

* Corresponding author

E-mail addresses: birukovpn@yandex.ru (P.N. Biriukov)

внутригосударственные нормы о лекарственных средствах. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (европейского права, национального права Великобритании) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

3. Обсуждение

В ЕС принято большое количество документов, регулирующих правовой статус лекарственных средств и смежные отношения.

В их числе: Директива 2001/83/ЕС Европейского парламента и Совета от 6 ноября 2001 года о Кодексе Сообщества, касающемся лекарственных средств, используемых людьми (в ред. 2012 г.) (Directive 2001/83/EC); Регламент (ЕС) № 726/2004 Европейского парламента и Совета от 31 марта 2004 года, в котором устанавливаются процедуры Сообщества для разрешения и надзора за лекарственными средствами для использования в отношении человека и в ветеринарии и создания Европейского агентства по лекарственным средствам (в ред. 2013 г.) (Regulation (EC) № 726/2004); Регламент (ЕС) № 141/2000 Европейского парламента и Совета от 16 декабря 1999 года о лекарствах (в ред. 2009 г.) (Regulation (EC) № 141/2000); Регламент (ЕС) № 1901/2006 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2006 года о лекарственных средствах для педиатрического использования и внесении поправок в Регламент (ЕС) № 1768/92, Директива 2001/20/ЕС, Директива 2001/83/ЕС и Регламент (ЕС) № 726/2004 (в ред. 2007 г.) (Regulation (EC) № 1901/2006); Регламент (ЕС) № 536/2014 Европейского парламента и Совета от 16 апреля 2014 года о клинических испытаниях лекарственных средств для использования на людях и отмене Директивы 2001/20/ЕС (Regulation (EU) № 536/2014); Регламент Совета (ЕС) № 297/95 от 10 февраля 1995 года о взносах, выплачиваемых Европейскому агентству по оценке лекарственных средств (в ред. 2014 г.) (Council Regulation (EC) № 297/95); Регламент Комиссии (ЕС) № 1662/95 от 7 июля 1995 года, в котором излагаются подробные механизмы осуществления процедур принятия решений Сообщества в отношении разрешений на продажу лекарств для использования на людях или в ветеринарии (Commission Regulation (EC) № 1662/95); Директива Комиссии 2003/94/ЕС от 8 октября 2003 года, в которой изложены принципы и руководящие принципы надлежащей производственной практики в отношении лекарственных средств для использования на людях и исследовательских лекарственных средств для человека (Commission Directive 2003/94/EC).

Указанные документы регулируют три основных этапа жизненного цикла лекарств. В их числе: 1) исследования и разработка; 2) разрешение на продажу; 3) последующая авторизация.

Согласно Регламенту (ЕС) № 141/2000, «лекарственное средство» – медицинский продукт, если его производитель может установить:

(а), что оно предназначено для диагностики, профилактики или лечения опасного для жизни или хронически ослабляющего состояния более пяти из 10 тысяч человек в Сообществе, или что оно предназначено для диагностики, профилактики или лечения опасным для жизни, серьезным изнурительным или серьезным и хроническим в Сообществе, и что без производителя маловероятно, что сбыт лекарственного продукта в Сообществе даст достаточный доход для оправдания необходимых инвестиций; а также

б) что нет удовлетворительного метода диагностики, профилактики или лечения данного состояния, которое было бы санкционировано в Сообществе либо, если такой метод существует, но лекарственный продукт будет иметь существенную пользу для больных.

Требования и процедуры авторизации сбыта лекарственных средств для использования на людях и правила непрерывного надзора за продуктами после их утверждения устанавливаются главным образом в Директиве 2001/83/ЕС (далее – «Директива о лекарственных препаратах») и Регламенте (ЕС) № 726/2004 (далее – «Правила»). Эти документы также устанавливают согласованные положения в смежных областях, таких как производство, оптовая продажа и реклама лекарственных средств для использования в отношении людей. Они не могут быть правильно поняты изолированно друг от друга, но должны рассматриваться вместе.

Согласно ст. 11 Директива о лекарственных препаратах резюме характеристик лекарства должно содержать следующую информацию:

1. Название лекарственного средства.

2. Качественный и количественный состав с точки зрения активных веществ и составляющих эксципиента, знание которых имеет важное значение для надлежащего применения лекарственного средства. Должно использоваться обычное общее название или химическое описание.

3. Фармацевтическая форма.

4. Фармакологические свойства и, поскольку эта информация полезна для терапевтических целей, фармакокинетические особенности.

5. Клинические особенности: терапевтические показания; противопоказания; побочные реакции (частота и серьезность); специальные меры предосторожности для использования и, в случае иммунологических лекарственных средств, любые особые меры предосторожности, которые должны приниматься лицами, обращающимися с такими продуктами, и назначать их пациентам вместе с любыми мерами предосторожности, которые должны быть приняты пациентом; использование во время беременности и лактации; взаимодействие с другими медикаментами и другими формами взаимодействия; позология и метод введения для взрослых и, при необходимости, для детей; передозировки (симптомы, аварийные процедуры, антидоты); специальные предупреждения; влияние на способность управлять автомобилем.

6. Фармацевтические данные: основные несовместимости; срок годности, когда это необходимо после восстановления лекарственного средства или когда немедленная упаковка открывается впервые; специальные меры предосторожности для хранения; характера и содержимого непосредственной упаковки; специальные меры предосторожности для удаления неиспользованных лекарственных средств или отходов, полученных из таких лекарственных средств, если это необходимо.

7. Название или фирменное наименование и постоянный адрес владельца разрешения на продажу.

8. Для радиофармацевтических препаратов приведены подробные сведения о внутренней дозиметрической дозиметрии.

9. Для радиофармацевтических препаратов предлагаются дополнительные подробные инструкции для немедленной подготовки и контроля качества такого препарата и, при необходимости, максимального времени хранения, в течение которого любой промежуточный препарат, такой, как элюат или готовый к применению фармацевтический препарат, будет соответствовать его характеристикам.

Директива о лекарственных препаратах позволяет Комиссии принять делегированные акты: в отношении исследований эффективности после авторизации (ст. 22b), принципы хорошей производственной практики для активных веществ (ст. 47), критерии оценки потенциального фальсифицированного характера лекарственных препаратов, проходящих через ЕС (ст. 52b) и признаков безопасности лекарственных средств (ст. 54a).

Европейское агентство по лекарственным средствам (The European Medicines Agency) (далее Агентство), созданное в 1995 году, опирается на процедуру централизованного разрешения и поддерживает координацию между национальными компетентными органами. Агентство является центром Европейской сети лекарственных средств, включающим свыше 40 национальных регулирующих органов, гарантирующих постоянный обмен и поток информации о научной оценке лекарственных средств в ЕС.

В рамках Агентства создан Комитет по лекарственным средствам. В задачи Комитета входит: а) рассмотрение заявлений о признании заявленного продукта в качестве лекарственного средства; б) консультирование Комиссии по вопросам создания и развития политики в отношении нетрадиционных лекарственных средств в ЕС; в) оказание содействия Комиссии в поддержании связи на международном уровне по вопросам, относящимся к лекарственным средствам; г) помощь Комиссии в разработке подробных руководящих принципов.

Комитет состоит из: одного члена, назначаемого каждым государством-членом ЕС; трех, выдвинутых Комиссией, представляющих организации пациентов, трех, назначаемых Комиссией по рекомендации Агентства. Срок полномочий членов Комитета три года. Комитет избирает своего Председателя.

Установлен следующий порядок включения лекарственного средства в Регистр (Register of Medicinal Products). Инициатор / производитель / разработчик (в документах ЕС его обозначают «спонсором» – sponsor) должен подать заявление в Агентство на любом этапе разработки лекарственного средства до разрешения на продажу.

К заявлению прилагаются следующие сведения и документы: а) имя или фирменное наименование и постоянный адрес спонсора; б) активные вещества лекарственного средства; в) предполагаемые терапевтические показания; г) обоснование того, что критерии признания лекарственным средством, изложенным в ст. 3(1) Регламента № 141/2000, выполнены; д) описание этапа разработки.

Агентство проверяет действительность заявки и готовит краткий доклад Комитету. Там, где это необходимо, Комитет может запрашивать у спонсора дополнительные документы.

В течение 90 дней после получения полного комплекта документов Комитет выносит свое Мнение (the Opinion of the Committee). Мнение принимается большинством в две трети членов Комитета. В тех случаях, когда мнение Комитета отрицательное, Агентство сообщает об этом спонсору. В течение 90 дней с момента получения заключения Агентства спонсор может представить подробные основания для обжалования. Комитет рассматривает жалобу на следующем заседании. Агентство незамедлительно направляет окончательное заключение Комитета в течение 30 дней с момента получения заключения.

Одобренный лекарственный препарат включается в Регистр лекарственных средств. Каждый год спонсор представляет Агентству отчет о состоянии лекарства.

Регламент уполномочивает Комиссию принимать делегированные документы (ст. 10b). В этих целях Комиссия приняла два делегированных акта, один – по исследованиям эффективности после авторизации лекарства, а другой – по принципам хорошей производственной практики для активных веществ.

В соответствии со ст. 21a Директивы о лекарственных средствах и ст. 9(4) Правил может потребоваться в конкретных ситуациях дополнить данные, доступные на тот момент, когда лекарственный продукт получил разрешение на продажу новой информацией о его эффективности или устранении имевшихся проблем. Кроме того, согласно ст. 22a (1) Директивы и ст. 10a(1) Правил, информация, которая становится доступной после авторизации, может потребовать значительного пересмотра и дополнительных подтверждающих данных; в это время разрешение на продажу сохраняется. В обеих ситуациях национальные компетентные органы, Европейское агентство по лекарственным средствам и Комиссия могут обязать владельца разрешения на продажу провести исследование эффективности после авторизации.

В соответствии со ст. 22b Директивы о лекарственных средствах и ст. 10b Правил Комиссия уполномочена указывать ситуации, в которых могут потребоваться исследования эффективности после авторизации. Эти же положения дают Комиссии возможность дискреционных полномочий при принятии решения о принятии делегированного акта. Тем не менее, Директива и Правила требуют, чтобы любое исследование эффективности после авторизации, налагаемое как обязательство держателя разрешения на продажу, основывалось на делегированном акте. Это означает, что делегированный акт является предварительным условием для проведения исследований эффективности после авторизации.

Большую роль играют делегированные акты и в разработке эффективной производственной практики. В частности, Директива 2011/62/EU вносит поправки в Директиву о лекарственных препаратах путем введения новых положений о производстве активных веществ и активных ингредиентов лекарств. Они направлены на то, чтобы в производстве лекарственных средств в ЕС использовались только безопасные и качественные активные вещества.

В результате производство активных веществ подвергается хорошей производственной практике для активных веществ, независимо от того, производятся ли эти вещества в Союзе или импортированы из третьих стран. Кроме того, производители лекарств в ЕС теперь обязаны использовать только активные вещества, изготовленные в соответствии с Принципами и «Рекомендациями надлежащей производственной практики».

В этом контексте установлены стандарты для производства активных веществ в масштабах государств ЕС и согласовано обеспечение соблюдения этих стандартов на всей территории ЕС. С этой целью Комиссия принимает посредством делегированных актов меры, дополняющие положения Директивы. Так, 28 мая 2014 года Комиссия приняла Регламент (ЕС) № 1252/2014 о принципах и руководящих принципах надлежащей производственной практики для активных веществ в лекарственных средствах для использования человеком (Regulation (EU) № 1252/2014).

Для имплементации документов в государствах-членах ЕС было принято большое число актов. Государства-члены ЕС активно приводят свое законодательство в соответствие с правилами ЕС (McCabe et al., 2007: 397–404; Armstrong, 2010).

К примеру, в Великобритании были изданы Положения о лекарственных средствах 2002 г. (The Medicines Regulations 2002), изменен Закон о лекарствах 1968 г. (The Medicines Act 1968), Постановления о лекарственных средствах (заявки на предоставление лицензий на продукцию – лекарства для использования человеком) 1993 г. (The Product Licenses Regulations 1993), Положения о пошлинах 1995 г. (The Fees Regulations 1995) и другие.

В частности, Постановления о лекарственных средствах 2002 г. (The Human Medicines Regulations, 2002) консолидирует законодательство Королевства в отношении лекарственных средств для использования человеком.

Постановление объединяют положения об административном обеспечении закона о лекарственных средствах 1968 г., определяют лицензирующий орган, ответственный за регистрацию лекарств.

Постановления регулирует производство, импорт и оптовую торговлю лекарствами, а также фармаконадзор. Лекарственные средства не должны продаваться, поставляться или предлагаться для продажи или поставки в Соединенном Королевстве, если они не разрешены ни лицензированным органом Королевства в соответствии с Регламентом (ЕС) № 726/2004.

Постановления (ч. 5-8) определяют разрешения на продажу, сертификацию гомеопатических лекарственных средств, традиционные травяные регистрации. Они предусматривают процедуры разрешения лицензионным органом Соединенного Королевства лекарственных средств в различных категориях.

Часть 5 закрепляет ответственность за нарушения соответствующих требований Регламента (ЕС) № 726/2004, Регламента (ЕС) № 1901/2006, Директивы 2001/20/ЕС. Таким образом, в Постановлениях отменяется параллельная национальная схема лицензирования продажи и поставки лекарств (McCabe et al., 2005: 1016–1019). Она полностью заменяется правилами ЕС.

Часть 11 Постановления (фармаконадзор) объединяет положения о разрешении на сбыт и традиционные правила в отношении лекарственных средств, касающихся мониторинга безопасности лекарственных средств в клиническом применении. Предусматриваются правонарушения в случае нарушения соответствующих требований Регламента (ЕС) № 726/2004.

Часть 12 Постановлений определяет обстоятельства, при которых лекарства могут продаваться и поставляться.

В частях 1, 3, 5, 10 и 12 содержатся положения, упрощающие применение лекарственных средств в области здравоохранения. При этом в Правилах по-прежнему предусматривается обеспечение функционирования Регламента (ЕС) № 1394/2007 и Директивы 2001/83/ЕС.

Часть 13 посвящена безопасности детей при использовании лекарств, а часть 14 регулирует рекламу лекарственных средств.

Как видим, Великобритания проводит своевременную транспозицию положений документов ЕС в национальную правовую систему.

4. Результаты

Правила ЕС основаны на принципе, что лекарственные средства могут быть размещены на рынке только после получения разрешения на продажу, предоставленного компетентными органами. Данный принцип стал базом для большого количества документов с постепенным согласованием требований, применяемых во всем ЕС.

5. Заключение

Таким образом, правовая основа ЕС для лекарственных средств для использования человеком направлена на обеспечение высокого уровня охраны общественного здоровья и эффективное функционирование внутреннего рынка. Более того, принятые меры должны способствовать инновациям. Рамки работают по принципу, что лекарственные средства размещаются на рынке только в том случаях, если они выданы разрешения на продажу компетентными органами (Drummond, 2008: 16–257).

Правовые нормы ЕС в отношении лекарственных средств гарантируют высокие стандарты их безопасности и качества. Это также способствует функционированию внутреннего рынка, инновациям и конкурентоспособности.

References

- [The European Medicines Agency](https://www.ema.europa.eu/en) – The European Medicines Agency. [Electronic resource]. URL: <https://www.ema.europa.eu/en>
- [The Register of Medicinal Products](http://ec.europa.eu/health/documents/community-register/html/orphreg.htm) – Register of Medicinal Products. [Electronic resource]. URL: <http://ec.europa.eu/health/documents/community-register/html/orphreg.htm>
- [The Medicines Act 1968](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/67) – The Medicines Act 1968. [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/67>
- [The Product Licenses Regulations 1993](https://www.legislation.gov.uk/uksi/1993/2538/introduction/made) – The Product Licenses Regulations 1993. [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1993/2538/introduction/made>
- [The Fees Regulations 1995](https://www.legislation.gov.uk/uksi/1995/1116/contents/made) – The Fees Regulations 1995. [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1995/1116/contents/made>
- [The Medicines Regulations 2002](http://www.legislation.gov.uk/uksi/2002/236/contents/made) – The Medicines Regulations 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2002/236/contents/made>
- [The Human Medicines Regulations 2002](http://www.legislation.gov.uk/uksi/2012/1916/note/made?view=plain) – The Human Medicines Regulations 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2012/1916/note/made?view=plain>
- [Armstrong, 2010](#) – *Armstrong, W.* (2010). Pharma's Orphans. *Pharmaceutical Executive*.
- [Aronson, 2006](#) – *Aronson, J.K.* (2006). Rare diseases and orphan drugs. *British Journal of Clinical Pharmacology*. Vol. 61. № 3. pp. 243–245.
- [Drummond, 2008](#) – *Drummond, M.F.* (2008). Challenges in the economic evaluation of orphan drugs. *Eurohealth, World Health Organization*, 14 (2): 16–257.
- [McCabe et al., 2005](#) – *McCabe C., Claxton K, Tsuchiya A.* (2005). Orphan drugs and the NHS. *British Medical Journal*. 331 (4): 1016–1019.
- [McCabe et al., 2007](#) – *McCabe, C., Tsuchiya, A, Claxton, K, Raftery, J.* (2007). Assessing the economic challenges posed by orphan drugs: a comment on Drummond et al. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*. 23 (3): 397–404.
- [Kesselheim et al., 2011](#) – *Kesselheim, A.S., Myers, J.A., Avorn, J.* (2011). Characteristics of clinical trials to support approval of orphan vs nonorphan drugs for cancer. *JAMA*. 305 (22): 2320–2326.
- [Orphan medicinal products, 2018](https://ec.europa.eu/health/human-use/orphan-medicines_en) – Orphan medicinal products (2018). [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/health/human-use/orphan-medicines_en

О правовом статусе лекарственных средств в ЕС и Великобритании

Павел Николаевич Бирюков ^{a, *}

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового статуса лекарственных средств в ЕС. Автор исследует документы ЕС в отношении разработки, регистрации, производства и реализации медицинских продуктов. Автор изучает основные стадии регистрации лекарств на уровне ЕС. Особое внимание уделяется делегированным документам Комиссии. В настоящей статье некоторые положения права ЕС излагаются

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: birukovpn@yandex.ru (П.Н. Бирюков)

автором в форме, адаптированной для понимания российскими юристами. Автор показывает, как государства-члены ЕС имплементируют правила ЕС. Исследуется вопрос, как Великобритания проводит транспозицию положений документов ЕС в национальную правовую систему.

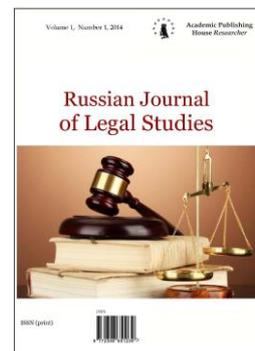
Ключевые слова: ЕС, Европейское агентство по лекарственным средствам, Комитет по лекарственным средствам, лекарственное средство, Великобритания, имплементация правил ЕС.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 10-21

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.10
www.ejournal25.com

Overview of Different Approaches to GMO Legislation

Dusan Dabovic^{a, *}

^a Ministry of Agriculture, Forestry and Water Management, Republic of Serbia

Abstract

The aim of this article is to identify and classify different approaches to legislation on genetically modified organisms, the underlying causes of these approaches, and typical examples of different policies. In this paper the formal-legal method, comparative method, method of text analysis and statistical method were used. In doing so, scientific works in the mentioned area, relevant regulations of the observed state entities, as well as newspaper texts and electronic databases were used. In accordance with the classification of the application of new technologies, especially biotechnology, which can lead to concerns about the effects on human and animal health, as well as on the environment, basic approaches to GMO legislation have been established – from permissive, through cautious, to prohibitive approaches. As the characteristic examples of different approaches, appropriate regulations at the highest level of authority in the US, EU, China, the Russian Federation, as well as in the Republic of Serbia have been analyzed. In addition, in each of these entities, regulations at the lower level of authority were observed, which differently regulate the use of GMOs.

Keywords: GMO, biotechnology, Republic of Serbia, Russian Federation, China, EU, USA.

1. Введение

Применение новых технологий кроме положительных эффектов несет в себе и некоторые потенциальные риски, в связи с этим страны разрабатывают различные стратегии и подходы к законодательству, которые могут быть классифицированы как перmissive, осторожные и прохибитивные. Применение биотехнологий, в частности технологий генетически модифицированных организмов вызывает настороженность, как в общественных кругах, так и в области науки, здесь может быть использована приведенная классификация с рядом условий и особенностей (Paarlberg, 2000: 24-38).

Перmissive подход включает в себя свободное производство, импорт, экспорт и торговлю ГМО (с обязательной маркировкой генетически модифицированных продуктов на рынке или без нее). Эта система применяется в большинстве стран Северной и Южной Америки, которые являются крупными производителями генетически модифицированных продуктов, такая же ситуация развивается в большинстве стран Азии и Африки. Государства-члены ЕС, Австралия, Китай и т.д. придерживаются осторожного подхода. Кроме того, некоторые страны-члены ЕС приняли нормы, которые в течение предписанного периода ограничивают производство или сбыт определенной или всей генетически модифицированной продукции на их территории. Прохибитивный подход, запрещающий

* Corresponding author

E-mail addresses: dusan.dabovic@minpolj.gov.rs (D. Dabovic)

производство, импорт и транспортировку генетически модифицированных организмов и продуктов, включающих ГМО, применяется в Российской Федерации, Сербии, Замбии, Алжир, Кыргызстан, Мадагаскар, Перу, Венесуэла и Бутане ([GMO FAQ, 2016](#); [Mutamba, 2017](#); [Pinhole, 2015](#); [Kaplan, 2014](#)). Кроме того, в США и ЕС государства принимают нормы, которые являются более строгими по отношению к нормам на самом высоком законодательном уровне.

2. Материалы и методы

В работе использовался формально-юридический метод, который применялся для анализа правовых положений, соответствующих нормативных положений наблюдаемых государств и их стратегий; сравнительный метод для сравнения упомянутых положений; метод анализа текста, с помощью которого производился анализ не правовых текстов, научных публикаций и других документов; а также статистический метод для используемых статистических данных. В качестве источников и материалов в данном исследовании в основном используются соответствующие нормативные положения наблюдаемых государств, а также нормы, принятые на более низких уровнях управления. Кроме того, были использованы и научные работы в данной области, опубликованные в авторитетных научных журналах и сборниках научных конференций. Также использовались газетные статьи и электронные базы данных.

3. Обсуждение

Выбор некоторыми странами той или иной политики, то есть одного из приведенных подходов к законодательству в области регулирования ГМО, зависит от целого ряда различных экономических, политических и социальных факторов, из которых наиболее важными являются: наличие значительного внутреннего производства ГМО; корректировка норм в соответствии с нормами ВТО или другой коммерческой политикой; и влияние внутреннего общественного мнения.

3.1. Производство ГМО

Страны, которые являются основными производителями и экспортерами ГМО в основном придерживаются перmissive подхода в законодательстве в области регулирования ГМО. По данным на 2012 год, наибольшую площадь под генетически модифицированные культуры выделяют США около 70 млн га, затем Бразилия 35 млн га, Аргентина около 24 млн га и Канада около 11 млн га ([Mother Jones – ISAAA, 2013](#)). Ряд крупнейших производителей ГМО базируются в США (Dupont, DowChemicals, Monsanto), некоторые из них представлены и в США, и в других странах производителях (BASF, Bayer) ([Statista, 2017](#)). Кроме того, производители ГМО, также как и другие представители перmissive подхода в этой области пользуются официальным лобби своей политики. Крупнейшие производители ГМО, а также другие представители перmissive политики в США в 2015 году потратили 101,4 млн. долларов США на лоббирование против принятия норм по обязательной маркировке продуктов с ГМО. Политика лоббирования была актуальной и в предыдущие периоды, что позволяет нам проследить выраженную тенденцию роста расходов на эти цели (в 2013 году – 25,37 млн. долларов, в 2014 году – 66,10 млн. долларов) ([Coleman, 2017](#)).

Одним из способов неформальной пропаганды перmissive политики является обмен руководящими кадрами, с одной стороны – государственных органов, а с другой – производителей ГМО и связанных с ними компаний, этот процесс называется «законодательная вращающаяся дверь» ([Sager, 2014](#)). Это явление было распространено и в предыдущих государственных администрациях США, наиболее яркие примеры обмена кадрами мы можем отметить в администрации Барака Обамы, речь идет о сотрудниках компании «Монсанто». Если быть точнее, Майкл Тейлор (Micheal Taylor), бывший вице-президент этой компании был назначен высокопоставленным советником в Администрации пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration), в то время как Роджер Бичи (Roger Beachy), директор дочерней компании Монсанто, перешел на должность директора влиятельного Национального института продовольствия и сельского хозяйства. Эта модель применяется в других странах. По этой же системе в Филиппинах три директора авторитетного Института растениеводства в Университете Лос-Баньос присоединились к

транснациональным корпорациям производителей ГМО или участвуют в проектах этих компаний. Помимо этого они являются консультантами или членами государственных органов, занимающихся вопросами биобезопасности (Bello, 2013).

3.2. Соблюдение норм ВТО и других международных норм

Поскольку генетически модифицированные продукты не находились в центре торговли до создания Всемирной торговой организации, этот тип товаров не был урегулирован каким-либо соглашением в рамках ВТО. Таким образом, торговля генетически модифицированными продуктами регулировалась существующим Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ) и Соглашением о применении санитарных и фитосанитарных мер и, в меньшей степени, некоторыми другими соглашениями ВТО. В связи с этим, государствам было разрешено в рамках их национального законодательства в любом порядке устанавливать нормы производства ГМО, с возможностью полного запрета. С другой стороны, в соответствии с правилами торговли, государства были не вправе заменять определенные продукты некоторых производителей продуктами того же типа других производителей. Учитывая, что ГМО продукты поступали из стран, где были сконцентрированы крупнейшие производители ГМО, вследствие перmissive политики, которая была распространена в этих странах, данные продукты не были специально обозначены. Генетически модифицированные продукты были представлены как «схожие продукты» с продуктами той же категории, не содержащими ГМО. По этой причине страны производители ГМО для своих генетически модифицированных продуктов требовали от других стран идентичной торговой политики как и по отношению к продуктам того же типа, не содержащим ГМО. Тем не менее, ЕС в рамках союза в конце 1990-х годов практически реализовал мораторий на ввоз генетически модифицированных продуктов, на что США при поддержке Аргентины и Канады в 2003 году подали жалобу в ВТО. Через несколько лет ЕС отменил мораторий на ввоз генетически модифицированных продуктов, однако были установлены нормы по обязательной маркировке. Данное решение не было принято всеми государствами-членами ЕС, в ответ на это они начали устанавливать свои нормы, которые носили ограничительный характер. В 2016 году ЕС вновь ужесточил законодательство в сфере ГМО, позволив государствам-членам запрещать ввоз некоторых генетически модифицированных продуктов в течение определенного периода времени (Josling, 2015).

3.3. Влияние внутреннего общественного мнения

Общественное мнение во многих странах формально не включено в законодательный процесс или включено лишь косвенно, по средствам обязательных общественных слушаний. Однако, согласно результатам исследований общественного мнения, общественность, как правило, очень обеспокоена возможными последствиями ГМО на здоровье человека. Общественное давление на законодателей в некоторых странах Европы привело к изменениям в законодательном подходе в этой области. В Соединенных Штатах Америки большинство продуктов питания являются генетически модифицированными продуктами, однако, по данным исследования общественного мнения, 53 % респондентов заявляют, что они обеспокоены сообщениями о возможных последствиях ГМО, хотя законодательный подход на федеральном уровне является перmissive (Pew Research Center, 2017). Кроме того, по данным опроса, 93 % американцев поддержали предложение, чтобы все генетически модифицированные продукты были маркированы (Kopicki, 2013). Данное общественное мнение в США в последнее время находит все большее отражение в законодательном подходе на уровне государственных или местных органов власти, которые все чаще принимают или рассматривают более жесткие нормы в сфере ГМО.

В ходе опроса, проведенного в 2001 году во Франции, 71 % респондентов выказали негативное отношение к данному роду продуктов, подобные настроения были также зафиксированы в Греции и Австрии (Bonny, 2003). Под давлением со стороны общественного мнения эти страны ввели более строгие правила в данной области регулирования по отношению к нормам на уровне ЕС.

В Сербии подавляющее большинство выступило против любого использования ГМО, данное мнение поддержали и чиновники на уровне местного самоуправления (городов и муниципалитетов), которые проголосовали в 135 городах и муниципалитетах (всего 153) за принятие Декларации против ГМО на территории своих областей (Agroservis, 2017).

3.4. Соединенные Штаты Америки

В США сфера ГМО регулируется многочисленными постановлениями на основании документа «Согласованные рамки для регулирования биотехнологии» ([Coordinated Framework, 1986](#)), который формирует федеральную систему оценки продуктов, разработанных с использованием современных биотехнологий. Согласно этому документу установлены три принципа регулирования сферы генетически модифицированных продуктов: американская политика ориентируется на генетически модифицированные продукты, а не на сам процесс; во внимание принимаются только нормативные акты, основанные на научно достоверных данных о рисках; ГМО продукты могут рассматриваться как существующие продукты, поэтому существующие законы являются достаточными для регулирования этой области.

В дополнение к общегосударственным правилам вопрос об использовании ГМО регулируется и на уровне федеральных земель. Так июня 2013 года Коннектикут стал первым штатом в США, который принял закон, требующий специальной маркировки пищевых продуктов, содержащих ГМО. Однако в законе было указано, что он не вступит в силу до тех пор, пока четыре другие штата США, в том числе штат, который граничит с Коннектикутом, не примут подобные акты. Вскоре в 2013 году в штате Мэн был принят данный закон. Кроме того, еще 26 других штатов США начали процесс принятия аналогичных законов в течение 2013 года. Палата представителей штата Вермонт так же приняла подобный закон, который вступил в силу в июле 2016 года. С другой стороны, в ноябре 2012 года в Калифорнии избиратели на референдуме отвергли предложение об обязательной маркировке генетически модифицированных продуктов питания.

Многие штаты в рамках США на уровне округов и городов ввели нормы, ограничивающие производство и/или торговлю генетически модифицированными продуктами или определенными генетически модифицированными продуктами (Аляска, Арканзас, Калифорния, Колорадо, Делавэр, Гавайи, Айдахо, Индиана, Кентукки, Мэн, Мэриленд, Массачусетс, Мичиган и др.) ([Hillson, 2007](#)).

В 2016 году на федеральном уровне принят специальный закон ([Public Law, 2016](#)), который создал правовые нормы для «установления стандартов по маркировке биотехнологических продуктов», Департамент сельского хозяйства получил все полномочия, чтобы в течение двух лет разработать детальные правила, которые обеспечат реализацию этого закона. Биотехнологические продукты включают в себя ГМО, однако, это более широкое понятие, охватывающее и другие виды биотехнологий. Было принято решение о необходимости определения минимального количества пищевой биотехнологии, присутствующего в пищевых продуктах, которое должно быть в обязательном порядке маркировано. Кроме того, производителям биотехнологических продуктов предоставляется возможность выбора, будет ли информация об их продуктах указываться в виде текста, символов или через сканирование специального кода (с помощью мобильных телефонов последнего поколения), который отправляет покупателя для получения информации на веб-сайт, а в некоторых случаях достаточна ссылка на определенный номер телефона или сайт. Рестораны и мелкие производители были освобождены от обязательной маркировки своей продукции. Данный закон запрещает в штатах и местных органах самоуправления принимать свои нормы по маркировке генетически модифицированных продуктов.

3.5. Европейский союз

Для того чтобы гарантировать, что развитие технологии ГМО, происходит в полной безопасности для всех граждан государств-членов, Европейский союз разработал в этой области детальную правовую базу, состоящую в основном из положений, таким образом, на территории всех государств-членов ЕС было установлено идентичное регулирование. Основным нормативным документом в этой области является Положение, обозначающее общие рамки по регулированию в сфере генетически модифицированных пищевых продуктов и кормов для животных, дополненное нормами, отвечающими за отслеживание и маркировку ГМО в торговле ([Regulation 1829/2003](#); [Regulation 1830/2003](#)). Кроме того, в этой области была принята Директива о преднамеренном высвобождении ГМО в окружающую среду, Положение, определяющее универсальный код для маркировки ГМО, Положения о трансграничном перемещении ГМО, Директива, ограничивающая использование генетически модифицированных микроорганизмов, а также рекомендации

по применению этих правил, то есть инструкции для пользователей, с тем, чтобы обеспечить сосуществование генетически модифицированных, конвенциональных и органических культур ([Directive 1830/2003](#); [Regulation 65/2004](#); [Regulation 1946/2003](#); [Directive 2009/41](#)). В дополнении к этим правилам были введены в действие многочисленные нормы, которые дополняют и изменяют упомянутые положения.

Задачи Регламента (ЕС) 1829/2003 о генетически модифицированных пищевых продуктах и кормах заключаются в следующем: а) на первый план вывести обеспечение высокого уровня защиты жизни и здоровья людей, здоровья и благополучия животных, окружающей среды и интересов потребителей по отношению к генетически модифицированным продуктам питания и кормам, в то же время, обеспечивая эффективное функционирование внутреннего рынка; б) установить четкий порядок в ЕС по контролю за генетически модифицированными продуктами питания и кормами для животных; в) утвердить нормы по маркировке генетически модифицированных пищевых продуктов и кормов для животных ([Regulation 1829/2003](#)).

Регламент (ЕС) 1830/2003 устанавливает правовые рамки для отслеживания продуктов, содержащих или состоящих из ГМО, а также пищевых продуктов и кормов, произведенных из ГМО, с целью содействия в надлежащей маркировке, мониторинге воздействия на окружающую среду и здоровье, а также с целью осуществления соответствующих мер по управлению рисками. Настоящий Регламент не распространяется на лекарственные средства для людей и лекарственные средства, применяемые в ветеринарии ([Regulation 1830/2003](#), 2003).

Что касается отслеживания генетически модифицированных продуктов, предусматривается, что пользователи, будучи еще в первой стадии размещения на рынке продуктов, содержащих или состоящих из ГМО или произведенных из ГМО, включая и большие объемы, должны обеспечивать, чтобы основные сведения в письменном виде с использованием уникального идентификатора поступали к покупателям продукта. На товаре должно быть указано, что продукт содержит ГМО или состоит из ГМО. Во всех последующих стадиях размещения товара на рынке, пользователи также должны убедиться, что полученная информация передается в соответствии с письменной формой лицам, получающим продукты.

Что касается маркировки ГМО продуктов, Регламент обязывает пользователей, чтобы на этикетках предварительно упакованных генетически модифицированных продуктов, то есть продуктов, состоящих из ГМО или содержащих ГМО, было обозначено в письменной форме «этот продукт содержит генетически модифицированные организмы» или «этот продукт содержит генетически модифицированный организм (название организма)» ([Regulation 1830/2003: Art. 1](#)). Кроме того, к неупакованным продуктам, предлагаемым конечному потребителю, также должны прилагаться соответствующие этикетки с идентичными отметками. В соответствии со статьей 21 Директивы 2001/18/ЕС, и статьями 12, 24 и 47 Регламента (ЕС) № 1829/2003 исключения составляют продукты, в которых найдены следы ГМО в количестве менее 0,9 %, при условии, что следы ГМО являются второстепенными или технически неизбежными, данное положение подтверждается нормами ЕС и национальными нормативными актами. Чтобы подтвердить, что присутствующие следы ГМО в продукте вторичны или технически неизбежны, пользователи должны представить доказательства того, что предприняты все необходимые меры, чтобы избежать присутствия таких материалов ([Regulation 1830/2003: Art. 5](#)).

Регламент о создании системы по развитию и маркировке уникальным кодом в области ГМО применяется для введения ГМО на рынок в соответствии с Директивой 2001/18/ЕС и другими нормативными актами ЕС. В соответствии с дополнением к Регламенту Владелец ГМО должен разработать уникальный идентификатор для данного ГМО, пользуясь базой данных ОЭСР, чтобы определить наличие конкретного уникального идентификатора. Если генетически модифицированный продукт получил одобрение или разрешение на вывод на рынок, в скорое время должен быть выделен уникальный идентификатор. Комиссия от имени ЕС, или компетентный орган, принявший окончательное решение по первоначальной заявке должны проконтролировать, чтобы уникальный идентификатор был передан в Центр биозащиты в письменной форме и как можно скорее. Кроме того, уникальный идентификатор для каждого генетически

модифицированного продукта должен быть записан в соответствующих регистрах Комиссии. Уникальный идентификатор впоследствии будет присвоен всем генетически модифицированным продуктам, которые получили разрешение на размещение на рынке до вступления в силу Регламента ([Regulation 65/2004: Art. 1-4](#)).

Директива о преднамеренном высвобождении ГМО в окружающую среду, должна упорядочить законы, подзаконные акты и административные положения государств-членов ЕС, защищать здоровье людей и окружающей среды, вследствие преднамеренного высвобождения ГМО в окружающую среду в рамках ЕС. С точки зрения общих положений Директива предусматривает, что государства-члены ЕС обязаны, в целях безопасности, обеспечивать проведение всех необходимых мер, чтобы избежать неблагоприятного воздействия на здоровье людей и окружающую среду, которые могут возникнуть в результате преднамеренного высвобождения ГМО в окружающую среду или размещения ГМО на рынке. Кроме того, каждый кандидат, перед подачей заявления на преднамеренное высвобождение ГМО в окружающую среду, должен оценить возможные риски для окружающей среды. Государства-члены ЕС и Комиссия будут следить за тем, чтобы генетически модифицированные продукты, содержащие гены устойчивые к антибиотикам, которые используются для медицинского или ветеринарного лечения находились под особым вниманием при осуществлении оценки риска для окружающей среды. Государства-члены ЕС, а в случае необходимости и Комиссия должны оценивать каждый конкретный случай переноса генов в другие организмы, которые могут прямо или косвенно оказывать негативное воздействие на здоровье людей и окружающую среду. Эта оценка выполняется в соответствии с процедурами, описанными в Приложении к Директиве. Кроме того, предусматривается, что государства-члены ЕС должны будут назначить компетентный орган, ответственный за выполнение требований в соответствии с настоящей Директивой. Также государства-члены ЕС должны предоставить компетентному органу возможность проводить проверки и другие необходимые меры контроля в целях обеспечения соблюдения настоящей Директивы ([Directive 2001/18: Art. 1-4](#)).

Что касается общественного мнения в большинстве государств-членов ЕС, особенно в наиболее крупных, в качестве дополнения к этой директиве в 2015 году была принята Директива, дающая право государствам-членам ЕС ограничивать или запрещать выращивание ГМО на своей территории. Таким образом, желания некоторых государств и их граждан о принятии более строгого законодательного подхода в сфере ГМО были реализованы ([Directive 2015/412, 2015](#)).

Хотя государства-члены ЕС внедрили в этой области нормы, позволяющие производство и ввоз ГМО и продуктов, содержащих ГМО, а также их перемещение и соответствующую маркировку, некоторые страны, используя соглашения Всемирной торговой организации и местные положения, исключили некоторые основные генетически модифицированные продукты из ввоза, производства и товарооборота.

Франция после шестилетнего ожидания, подписала нормы по ГМО. В 2008 году был принят запрет на производство ранее разрешенных сортов ГМО кукурузы (MON 810). Кроме того, 21 регион, 9 департаментов, природный парк, сообщество городов и более 116 городов и населенных пунктов объявили свои территории «без ГМО».

Девять федеральных земель Германии издали запрет на использование ГМО на своей территории.

В Италии 16 регионов (41 провинция, то есть 2.446 муниципалитетов) проголосовали против использования ГМО.

Прохибитивный подход в сфере ГМО встречается в Австрии (более 100 муниципалитетов), Венгрии (76 муниципалитетов), Ирландии (9 регионов, 2 района, 8 городов и населенных пунктов), а также в Греции, Польше, Португалии, Люксембурге и др., в то время как Болгария 11 февраля 2010 года объявила пятилетний мораторий на производство ГМО (GMO free regions, 2017).

3.6. Китайская Народная Республика

В Китайской Народной Республике область использования ГМО регулируется целым рядом нормативных актов, большинство которых относится к сельскохозяйственным ГМО. Основной нормативно-правовой базой для использования ГМО в сельском хозяйстве является Закон о сельском хозяйстве ([Zhang, 2014](#)). Кроме того, группу ГМО с 2011 года

регулирует специальное постановление (Regulations), регулирующие общие положения, исследования и испытания, производство и переработка, маркетинг, импорт и экспорт, контроль и инспекции, наказания.

Данное положение определяет компетентный орган в лице сельскохозяйственного административного управления Государственного Совета, который отвечает за управление безопасностью сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов на национальном уровне. Было установлено, что реализация Закона о гигиене пищевых продуктов в части, касающейся ГМО, будет проводиться национальным компетентным органом или компетентными органами на местном уровне. Также, было установлено, что для решения вопросов, связанных с сельскохозяйственными генетически модифицированными организмами будет организовываться межведомственная конференция, состоящая из компетентных сотрудников из различных областей. Была создана классификация, делящая все сельскохозяйственные ГМО продукты на четыре класса, в зависимости от уровня риска для людей, животных, растений, микроорганизмов и окружающей среды.

В части, связанной с исследованиями и испытаниями, предусмотрено образование Совета по биологической безопасности, а также ряд инспекций научно-исследовательских организаций. Установлено, что исследования сельскохозяйственных генетически модифицированных продуктов из третьей и четвертой группы риска должны быть предоставлены компетентной организации.

Предусматривается, что производство генетически модифицированных семян, скота, птицы и мальков требует одобрения компетентного органа, то есть отдела Государственного совета, а также удовлетворения установленных требований. Также предусматривается выполнение определенных мер по безопасности во время транспортировки, а также во время экстренных ситуаций.

Что касается производства ГМО и размещения ГМО на рынке, необходимо заблаговременно получить разрешение компетентной организации с соблюдением других требований в отношении объектов, оборудования и сотрудников. В товарооборот могут поступать только продукты, находящиеся в списке разрешенных генетически модифицированных продуктов. Кроме того, все генетически модифицированные продукты, находящиеся на рынке, должны быть соответствующим образом маркированы, продукты, не помеченные специальным знаком, не могут стать частью товарооборота.

Кроме того, местные власти могут привести свое законодательство о ГМО. Город Zanzi в Ровисии Генс принял постановление, запрещающее выращивание, продажа и использование генетически модифицированных семян (Ximeng, 2013).

3.7. Российская Федерация

В Российской Федерации вопрос об использовании генетически модифицированных организмов регулируется федеральным законом «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» 1996 г. с поправками (Federal Law, 1996). Регистрация ГМО, предназначенных для высвобождения в окружающую среду, регулируется специальным решением Правительства 2013 года, которое вступило в силу с 1 июля 2017 года (Resolution...). Внешняя торговля ГМО регулируется таможенным правом ЕАЭС (Customs Union Technical Regulations).

Закон регулирует отношения в области использования природы, защиты окружающей среды и гарантирует экологическую безопасность, связанную с использованием генетической инженерии, к тому же в ходе осуществления данной деятельности запрещено использование методов генной инженерии на человеке, тканях или клетках человеческого организма. Закон является общей правовой базой для производства ГМО и деятельности, связанной с генетической модификацией, как для юридических, так и для физических лиц. Тем не менее, этот закон не вносит конкретные положения о ввозе ГМО и не регулирует вопрос о маркировке ГМО, поэтому в некоторых областях этот вопрос регулируется на местном уровне (Federal Law, 1996: Art. 1).

Согласно закону, основными задачами государственного регулирования в области генной инженерии являются: повышение уровня жизни и охраны здоровья людей; защита и восстановление окружающей среды, поддержание биоразнообразия; повышение эффективности сельского хозяйства; повышение эффективности первичной продукции и

перерабатывающей промышленности; сохранение и совершенствование ключевых кадров в области генной инженерии, повышение уровня их знаний и уровня подготовки специалистов, занимающихся этой деятельностью.

Активность генной инженерии основывается на следующих принципах: безопасность населения (отдельных лиц) и окружающей среды; всеобщая доступность информации о безопасности генной инженерии; сертификация продукции содержит результаты генной инженерии, при условии, что существуют документы, подтверждающие способ получения продукта и его свойства ([Federal Law, 1996 : Art. 5](#)).

С вступлением в силу правил о регистрации ГМО формально удалены барьеры для производства и выпуска в окружающую среду этих продуктов, однако и далее отсутствует ряд ГМО, которые широко используются в медицинских (например, лекарства от малярии) и технических целях (производство биотоплива, хлопка и т.д.). В 2016 году был принят закон с поправками к основному закону о регулировании генной инженерии ([Federal Law, 2016](#)). Этот закон запретил выращивание генетически модифицированных животных и растений, кроме использования в научных и лабораторных целях. В то же время были запрещены генетически модифицированные животные и растения «чья генетическая программа изменена с использованием методов генной инженерии и содержащие генетически модифицированный материал, чье появление не может быть результатом естественных процессов». Таким образом, Россия является одной из стран, представляющих прохибитивный законодательный подход в сфере использования ГМО ([Korobko, 2016](#)).

Параллельно с федеральными положениями некоторые регионы и города (Белгород, Москва, Кострома, Нижний Новгород, Курган) на своих территориях запретили использование генетически модифицированных продуктов. Ряд других городов и регионов России также подготавливают к принятию аналогичные нормы ([GMO free regions](#)).

3.8. Республика Сербия

Закон «О генетически модифицированных организмах» 2009 г. (далее – закон) регулирует процесс и условия для преднамеренного высвобождения ГМО в окружающую среду, а также условия для использования ГМО и генетически модифицированных продуктов в замкнутых системах, при чем под преднамеренным высвобождением в окружающую среду подразумевается ограниченное высвобождение ГМО в целях осуществления экспериментов, демонстрационных экспериментов и развития сортов, в то время как использованием замкнутой системы является любая операция, в результате которой ГМО или генетически модифицированные продукты выращиваются, размножаются, хранятся, транспортируются, задерживаются, уничтожаются или иным образом используются в пространстве, которое отделено физическими барьерами или комбинацией физических, химических и биологических барьеров, препятствующих контакту ГМО с внешним миром и ограничивающих их воздействие на окружающую среду ([Zakon, 2009: Art. 1, 4](#)). Кроме того, закон предусматривает запрет на товарооборот и коммерческое производство любых ГМО или генетически модифицированных продуктов, за исключением генетически модифицированных сельскохозяйственных продуктов растительного происхождения с содержанием 0,9 % ГМО примесей или добавок, созданных на базе ГМО, а также семян и репродуктивного материала, если содержание примесей ГМО или добавок, созданных на базе ГМО не выше 0,1 %.

Установлено, что положения Закона не распространяются на ГМО, которые не являются живыми модифицированными организмами, не используемыми в качестве продовольствия, кормов для животных, лекарств или вспомогательных лекарственных средств, а также на другие ГМО и генетически модифицированные продукты, предназначенные для использования в медицинских целях, или если их использование полностью регулируется другими нормативными ([Zakon, 2009: Art. 3, 5](#)).

Согласно закону, разрешение на использование ГМО в закрытых системах с целью преднамеренного высвобождения в окружающую среду выдается на основании заявления производителя, пользователя или уполномоченного представителя. Исследование ГМО и генетически модифицированных продуктов с целью выявления и оценки количества генетической модификации, выполняется уполномоченной лабораторией. В частности, предусматривается то, что заявитель должен предоставить этой лаборатории определенное количество материала для тестирования ГМО и генетически модифицированных продуктов

в процессе рассмотрения заявления или после получения разрешения. Кроме того, уполномоченная лаборатория обязана подготовить доклад после проведения экспертизы и предоставить его в министерство. После получения заявки, министерство обязано ознакомить общественность с содержанием заявки, одним из способов может быть опубликование статьи, по крайней мере, в одной ежедневной газете, а также информирование с помощью электронных СМИ. После публикации заявки, министерство организует и проводит общественные слушания, которые длятся до 30 дней от даты обнародования содержания заявки, а заключение Экспертного совета и окончательное решение с обоснованием также публикуется в ежедневных газетах и распространяется с помощью электронных средств массовой информации. На основании заключения Экспертного совета, а также принимая во внимание замечания общественности и доклад уполномоченной лаборатории в случае, если отчет запрашивался, министр выносит решение об использовании ГМО в закрытых системах, преднамеренном высвобождении в окружающую среду с указанием мер безопасности, а также сроков действия разрешения. Позитивный ответ на использование ГМО в закрытых системах выдается юридическому лицу в форме разрешения, которое выдается в случае наличия одной или нескольких степеней риска. Юридическое лицо должно обратиться к профессиональному органу для оценки риска во время использования ГМО в закрытых системах, а также отвечать всем требованиям с точки зрения человеческих ресурсов, объекта и технического оборудования (Zakon, 2009: Art. 9-27).

Учитывая то, что Сербия обязалась согласовывать свои нормы с нормами ЕС до момента вступления, чтобы к тому времени согласование было полностью выполнено, необходимо согласование и данного закона с соответствующими нормами ЕС, в частности, в отношении товарооборота, а в связи с этим и маркировкой генетически модифицированной продукции (Santek, 2016).

В дополнение к прохибитивному законодательному подходу, осуществляемому на государственном уровне, на уровне местного самоуправления в Сербии 135 муниципалитетов и города (из общих 169 муниципалитетов и города) приняли декларация, в соответствии с которыми запрещается любое использование ГМО и генных модифицированных продуктов на своей территории).

4. Результаты

Учитывая различные подходы к правовому регулированию вопросов использования ГМО в мире, можно выделить три основных подхода: перmissive, осторожный и прохибитивный.

Перmissive подход используется в странах, являющихся основными производителями ГМО (США, Канада, Аргентина), в большинстве стран Центральной и Южной Америки, Африки и Средней Азии, а также в некоторых европейских странах (Украина).

Осторожный подход применяется в странах-членах ЕС, России, Китае, Индии, Австралии, Новой Зеландии и некоторых странах Центральной и Южной Америки и Африки.

В настоящее время, декларативный или фактический прохибитивный подход применяется в Сербии, Замбии, Перу и Бутане.

Стоит упомянуть, что в ряде стран, в которых применяется перmissive или осторожный подход на государственном уровне, многие локальные образования принимают более строгие нормы, ограничивающие использование ГМО на своей территории.

Европейский Союз детально регулирует этот вопрос несколькими регламентами, которые на государственном уровне устанавливают единые нормы регулирования в рамках союза, за исключением Болгарии, которая использовала возможность введения пятилетнего моратория на использование ГМО.

5. Заключение

Сербия в 2009 году приняла закон, регулирующий данную область, и в соответствии с которым производство ГМО в контролируемых условиях и ограниченный выпуск ГМО в окружающую среду требуют одобрения компетентного органа, а товарооборот продуктов,

содержащих ГМО или примесей ГМО, превышающих разрешенный лимит, запрещается. Также не допускается ввоз ГМО.

В предстоящий период Сербия ожидает согласование правил в этой области с *acquis communautaire* и правилами ВТО, в то время как подавляющее большинство муниципалитетов объявили запрет на любое использование ГМО.

References

Regulation (EC) № 1829/2003 – Regulation (EC) № 1829/2003 of the European Parliament and of the Council of 22 September 2003 on genetically modified food and feed. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32003R1829>

Regulation (EC) № 1830/2003 – Regulation (EC) № 1830/2003 of the European Parliament and of the Council of 22 September 2003 concerning the traceability and labelling of genetically modified organisms and the traceability of food and feed products produced from genetically modified organisms and amending Directive 2001/18/EC // OJ, L 268, 18.10.2003, pp. 24–28.

Directive 2001/18/EC – Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC – Commission Declaration // OJ, L 106, 17.04.2001, pp. 1–39.

Commission Regulation (EC) № 65/2004 – Commission Regulation (EC) № 65/2004 of 14 January 2004 establishing a system for the development and assignment of unique identifiers for genetically modified organisms // OJ, L10, 16.1.2004, pp. 5–10.

Regulation (EC) № 1946/2003 – Regulation (EC) № 1946/2003 of the European Parliament and of the Council of 15 July 2003 on transboundary movements of genetically modified organisms // OJ, L 287, 05.11.2003, pp. 1–10.

Directive 2009/41/EC – Directive 2009/41/EC of the European Parliament and of the Council of 6 May 2009 on the contained use of genetically modified micro-organisms (Recast) // OJ, L 125, 21.5.2009, pp. 75–97.

Directive (EU) 2015/412 – Directive (EU) 2015/412 of the European Parliament and of the Council, of 11 March 2015, amending Directive 2001/18/EC as regards the possibility for the Member States to restrict or prohibit the cultivation of genetically modified organisms (GMOs) in their territory // OJ, L 68/1, 13.3.2015.

Public Law 114-214 – Public Law 114-214. (2016). [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/764/text>.

Customs Union Technical Regulations – Customs Union Technical Regulations "TR CU 021/2011", "TR CU 022/2011", "TR CU 027/2012", "TR CU 029/2012". [Electronic resource]. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/technicalregulationses>

Federal Law № 86-FZ – Federal Law «On state regulation in the field of genetic engineering activity» № 86-FZ. (1996). *Sobranie Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation]. № 28. St. 3348 [in Russian]

Federal Law № 358-FZ – Federal Law № 358-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the improvement of state regulation in the field of genetic engineering activity». (2016). *Sobranie Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation]. № 27 (часть II) [chast' II]. St. 4291 [in Russian]

Resolution of the Russian Federation Government № 839 – Resolution of the Russian Federation Government № 839 on State Registration of Genetically Engineered/Modified Organisms Intended for Release into the Environment and Products Derived from the Use of Such Organisms or Containing Such Organisms (2013). *Sobranie Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation]. № 39. St. 4991. [in Russian]

Zakon o geneticki modifikovanim organizmima, 2009 – *Zakon o geneticki modifikovanim organizmima*. (2009). *Sl. glasnik RS*. br. 41/09

Regulations on Administration – *Regulations on Administration of Agricultural Genetically Modified Organisms Safety*. Ministry of Agriculture of P.R.C. (2011). [Electronic resource]. URL: http://english.agri.gov.cn/hottopics/bt/201301/t20130115_9551.htm

Agroservis, 2017 – *Agroservis, izvor Politika*. (2017). *Možemo li u STO bez GMO?* May 17. [Electronic resource]. URL: <http://www.agroservis.rs/mozemo-li-u-sto-bez-gmo>

Bello, 2013 – Bello Walden and Foreign Policy. (2013). In Focus Twenty-Six Countries Ban GMOs—Why Won't the US?. October 29. [Electronic resource]. URL: <https://www.thenation.com/article/twenty-six-countries-ban-gmos-why-wont-us>

Bonny, 2003 – *Bonny, S.* (2003). Why are most Europeans opposed to GMOs? Factors explaining rejection in France and Europe. *Electronic Journal of Biotechnology*. Vol. 6. № 1, Issue. April 15. [Electronic resource]. URL: <http://ejbiotechnology.info/index.php/ejbiotechnology/article/view/v6n1-4/573>

Coleman, 2016 – *Coleman, R.* (2016). Food lobby spends \$101 million in 2015 to advert gmo labelling, EWG. [Electronic resource]. URL: <http://www.ewg.org/research/lobbying-anti-labeling-groups-tops-100m>

GMO FAQ, 2016 – *GMO FAQ* (2016). [Electronic resource]. URL: <https://gmo.geneticliteracyproject.org/FAQ/where-are-gmos-grown-and-banned>

GMO free regions – GMO free regions. [Electronic resource]. URL: <http://www.g8mo-free-regions.org/gmo-free-regions/list.html>

Gradovi i opstine Srbije protiv GMO – Gradovi i opstine Srbije protiv GMO (2016). Prvi prvi na skali, December 22. [Electronic resource]. URL: <http://www.prviprvinaskali.com/clanci/gradoviopstine/gradovi-i-opstine-srbije-protiv-gmo.html>

Hillson, 2007 – *Hillson, A.* (2007). A New View on US Agriculture, Center for Food Safety. June. [Electronic resource]. URL: http://www.gmo-free-regions.org/fileadmin/files/gmo-free-regions/CFS_New_View_US_Ag_Updated_Report_6-7-07.pdf

Josling, 2015 – *Josling, T.* (2015). A review of WTO rules and GMO trade. *Biores*, Vol. 9, № 3, 13 April. [Electronic resource]. URL: <https://www.ictsd.org/bridges-news/biores/news/a-review-of-wto-rules-and-gmo-trade>

Kaplan, 2014 – *Kaplan, J.* (2014). GMO Food Labeling Laws Around the World, Mar 18, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://firstwefeast.com/eat/2014/03/gmo-food-labeling-laws-around-the-world>

Kopicki, 2013 – *Kopicki, A.* (2013). Strong Support for Labeling Modified Foods . *The New York Times*. July, 27.

Korobko, 2016 – *Korobko, I., Georgiev, P., Skryabin, K., Kirpichnikov, M.* (2016). GMOs in Russia: Research, Society and Legislation] // *Acta Naturae*. Vol. 8. № 4 (31).

Mother, 2013 – *Mother, J.* (2013). ISAAA [Electronic resource]. URL: <http://www.motherjones.com/blue-marble/2013/02/gmo-farming-crops-more-popular-than-ever-world-charts>

Mutamba, 2017 – *Mutamba, E.* (2017). Zambia's 'No GMO' stance envy of nations on the globe // *Zambia Daily Mail*, August 12. [Electronic resource]. URL: <https://www.daily-mail.co.zm/zambias-gmo-stance-envy-nations-globe>

Office of Science and Technology Policy, 1986 – Office of Science and Technology Policy (1986). Coordinated Framework for Regulation of Biotechnology. 51 FR 23302, June 26. [Electronic resource]. URL: http://www.aphis.usda.gov/brs/fedregister/coordinated_framework.pdf

Paarlberg, 2000 – *Paarlberg, R.* (2000). The Global Food Fight. *Foreign Affairs*, Vol. 79. № 3. May-Jun, pp. 24-38.

Pew Research Center, 2017 – Pew Research Center (2017). [Electronic resource]. URL: <http://www.pewinternet.org/2016/12/01/public-opinion-about-genetically-modified-foods-and-trust-in-scientists-connected-with-these-foods>

Pinhole, 2015 – *Pinhole, Admin* (2015). Ovo je zemlja ekoloski najjsvesnija, u kojoj je priroda na prvom mestu! Stop GMO at Serbia, March 9. [Electronic resource]. URL: <https://srbijabezgmo.wordpress.com/2015/03/09/ovo-je-zemlja-ekoloski-najjsvesnija-u-kojoj-je-priroda-na-prvom-mestu-photo>

Sager, 2014 – *Sager, Josh* (2014). Monsanto Controls both the White House and the US Congress – No Matter Who Wins the Presidential Election Monsanto Benefits. *Global Reasearch* [Electronic resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/monsanto-controls-both-the-white-house-and-the-us-congress/5336422>

Statista – Statista. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com>

Ximeng, 2013 – *Ximeng, Ch.* (2013). Gansu City China's first to Ban GM Seeds. Oct. 31. [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/821781.shtml#.UpPWV3Lh-So>

Zhang, 2014 – Zhang, Laney (2014). Restrictions on Genetically Modified Organisms: China. Library of Congress, March. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/restrictions-on-gmos/china.php>

Santek, 2016 – Santek, Georgi Mitev (2016). Ukidamo zabranu GMO? Sta nas ceke. Mondo, 24.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://mondo.rs/a878340/Info/Drustvo/GMO-i-Srbija-Zabrana-mora-da-se-ukine-sta-nas-ceka.html>

Обзор различных подходов к законодательству в области регулирования ГМО

Душан Д. Дабович ^{a, *}

^a Министерство сельского хозяйства, лесного и водного хозяйства Республики Сербия – Управление по защите растений, Сербия

Аннотация. Целью данной статьи является выявление и классификация различных подходов к законодательству в сфере регулирования генетически модифицированных организмов, основные причины, способствовавшие выработке этих подходов, а также характерные примеры различных стратегий. В исследовании был использован формально-юридический метод, метод сравнительного анализа, метод анализа текста и статистический метод. Также в работе использовались научные публикации в исследуемой области, соответствующие нормативные положения изучаемых стран, а также газетные статьи и электронные базы данных. В соответствии с классификацией применения новых технологий, особенно биотехнологий, которые могут привести к путанице с точки зрения воздействия на здоровье людей, животных и окружающую среду, выделяются основные подходы к законодательству о ГМО – от перmissive, через осторожный до прохибитивного подхода. В качестве характерных примеров различных подходов были проанализированы соответствующие нормативные акты на самом высоком правительственном уровне в США, ЕС, Китае, Российской Федерации и Республике Сербии. Кроме того, в каждом из этих объектов рассматривались нормы на более низких уровнях власти, которые часто по-разному регулируют использование ГМО.

Ключевые слова: ГМО, биотехнологии, Сербия, Россия, Китай, ЕС, США.

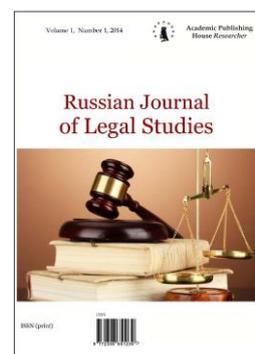
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dusan.dabovic@minpolj.gov.rs (Д.Д. Дабович)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 22-29

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.22
www.ejournal25.com

Sexual Violence against Minors in the Criminal Legislation of the Republic of Serbia

Timur M. Khusyainov^{a, *}

^aLobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russian Federation

Abstract

This article examines the provisions of the criminal legislation of the Republic of Serbia on sexual violence against minors. The author considers the extent of this type of crime, and also gives the main provisions of the criminal legislation of Serbia regarding the sexual immunity of juveniles contained in the articles of the Criminal Code, as well as special regulations; and the provisions of international agreements ratified by that country. The main task of the work is the analysis of foreign experience in the protection of the rights of minors. At the same time, the transformation of the norms of the Serbian legislation regarding the sexual inviolability of minors, the implementation of international norms of law, and the expansion of Serbian national law are analyzed. The author outlines the main characteristics of the criminal legislation of Serbia in the issues of counteracting the phenomenon of sexual violence against minors. In this study, separate articles of the Criminal Code of the Republic of Serbia are analyzed and comparative analysis is conducted between them, while in interpreting certain provisions and concretizing law enforcement practice, the author actively engages modern Serbian scientific literature. Legislation of the Republic of Serbia demonstrates a high differentiation in the composition of the crime, which probably makes it possible to combat crime more successfully.

Keywords: Republic of Serbia, Juvenile, sexual violence, pedophilia, foreign experience, criminal law, sexual inviolability, prostitution.

1. Введение

Насилие в отношении детей является одним из наиболее опасных преступлений, чьи масштабы невозможно переоценить. Это связано, прежде всего, с их возрастом – психическим и физическим состоянием. Поэтому насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних вызывают наибольший общественный резонанс.

Многообразии способов и форм распространения преступлений сексуального характера свидетельствуют о возрастании масштабов вовлечения как молодежи, так и несовершеннолетних в сферу сексуальных услуг (Абдуллаев, 2016). Объектом сексуального посягательства в отношении несовершеннолетних, принято считать половую неприкосновенность, а в отношении взрослых граждан – половую свободу (Авдеев, 2011).

Уголовная и правовая защита детей от сексуального насилия является одним из наиболее важных элементов в борьбе с данной формой преступлений. Создание законов, которые адекватно контролируют сложную феноменологию данной формы противоправных

* Corresponding author

E-mail addresses: timur@khusyainov.ru (Т.М. Khusyainov)

действий, а также особенности уголовной политики и уголовного процесса, могут иметь большое значение в вопросах виктимизации (Petković et al., 2012a).

В соответствии с Конституцией Сербии доступ прессы и общества на судебные заседания может быть ограничено в интересах несовершеннолетних и защиты частной жизни (ст. 32).

2. Материалы и методы

Основными источниками при написании данной работы стали международные и национальные законодательные акты Сербии, относящиеся к защите прав несовершеннолетних граждан от сексуального насилия, а также современные сербские исследования.

В процессе исследования применялась совокупность общенаучных (анализ и синтез, логический и др.) и частно-научных (логико-формальный, системного анализа, сравнительно-правового и др.) методов теоретического исследования. Выбор методов был сделан на основе принципов научной объективности, системности и историзма, и обусловлен объектом, предметом, а также целью и задачами, поставленными в рамках данного исследования.

3. Обсуждение

Сексуальное насилие – одна из наиболее сложных проблем. Разнообразие форм проявления, особенности различных категорий жертв и серьёзность последствий требует пристального внимания общества и государства. Изнасилование, безусловно, представляет собой наиболее сложный аспект сексуальной виктимизации (Радојковић, 2016). В первую очередь жертвами преступлений подобного рода становятся женщины и дети.

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних как форма преступления закреплено в уголовных кодексах многих стран мира в качестве самостоятельного состава преступления.

Основной документ в области прав ребёнка – «Конвенция о правах детей» в статье 19 определяет насилие в отношении детей как нарушение фундаментального права на защиту от физического и психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации и сексуального насилия.

Конкретные меры по защите несовершеннолетних содержатся в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств, которая была ратифицирована Республикой Сербия в 2010 году (Илић, 2014). В статье 31 данной Конвенции обозначены основные меры защиты потерпевших и свидетелей на всех уголовного судопроизводства и до возбуждения уголовного дела.

Конвенция предусматривает право доступа потерпевших к информации по делу (п. 2, ст. 31); право на бесплатную юридическую помощь (п. 3, ст. 31); право назначить специально представителя в случаях, когда это не могут делать родители, в случае конфликта интересов (п. 4, ст. 31); возможность участия в ходе разбирательства различных фондов, ассоциаций, неправительственных организаций (п. 5, ст. 31). Кроме того, гарантируется предоставление жертвам всей информации на их родном языке, а также с учетом возраста и стадии развития (Илић, 2014).

Таким образом, мы рассмотрели основные источники международного права, содержащие в себе нормы, защищающие половую неприкосновенность несовершеннолетних. Рассмотрим далее нормы национального уголовного права Республики Сербия. Основным закон страны – Конституция Сербии запрещает сексуальную эксплуатацию и принуждение (ст. 26) (Устав Републике Србије из 2006 године).

С 2003 года 12 глава Уголовного кодекса Республики Сербия обеспечивает половую неприкосновенность несовершеннолетним, среди преступных деяний выделены следующие: сексуальное насилие в отношении детей (ст. 195); "удовлетворение половой страсти на глазах у других" (п. 2 ст. 197) – публичное сексуальное поведение, близко к растлению несовершеннолетних; торговля людьми в целях проституции (п. 4, ст. 198), использование детей и подростков для создания порнографических материалов (ст. 119); производство и

показ детской порнографии (ст. 200); инцест (п. 2, ст. 201) ([Кривични Закон Републике Српске](#)).

С 2009 года наблюдается существенное ужесточение уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Однако общественность продолжает выражать недовольство и требовать ещё более радикального подхода ([Petković et al., 2010](#)). В соответствии с последней редакцией Уголовного кодекса Сербии, к числу преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних относятся:

- **Изнасилование** (п. 3 и п. 4 ст. 178). В данном случае деяние, которое включает принуждение к сексуальному контакту несовершеннолетнего лица (до 18 лет), а также сексуальный контакт с применением силы или угроз. Максимальный срок тюремного заключения за подобное преступление достигает 12 лет, а в случае наступления беременности 15 лет;

- **Половой акт с беспомощным человеком** (п. 2 и п. 3 ст. 179). В данном случае речь идет о половом акте с человеком, который не в состоянии оказать сопротивление в силу болезни, физического состояния или психического расстройства. Максимальный срок тюремного заключения за подобное преступление достигает 12 лет, а в случае наступления беременности 15 лет;

- **Злоупотребление служебным положением** (п. 2 и п. 3 ст. 181; п. 4 и п. 5 в сочетании с п. 2 и п.3 ст. 181). Данный состав преступления может наступить, когда учитель, опекун или другое лицо осуществляет половой акт с несовершеннолетним, вверенным ему для обучения, ухода или защиты. Жертва в данном случае имеет зависимую позицию. Максимальный срок тюремного заключения за подобное преступление достигает 12 лет, а в случае наступления беременности 15 лет;

- **Запрещённые действия сексуального характера** (ст. 182). Посягательство на сексуальную неприкосновенность несовершеннолетних могут включать не только половой акт, но и действия, которые подробно не обозначены в Уголовном кодексе, а существуют в теории и на практике. В теории к ним относятся: сексуальные действия с ребенком, который находится в тяжелом состоянии; если данное действие было осуществлено группой лиц, если действие было осуществлено жестоким или унижающим достоинство образом; а также в случае, если привело к смерти потерпевшего лица;

- **Сексуальные домогательства** (ст. 182a). Сексуальные домогательства в отношении несовершеннолетнего могут включать любое вербальное или физическое поведение, которое имеет цель или следствие нарушения достоинства лица в области сексуальной жизни. Максимальный срок наказания за сексуальное домогательство в отношении несовершеннолетнего составляет 3 года.

- **Посредничество в проституции – сутенерство** (п. 2 ст. 184).

В качестве конкретных преступлений, направленных против ребенка можно выделить следующие:

- **Половой акт с ребенком** (ст. 180). В данном случае преступление наступает в случае полового акта с ребенком в возрасте до 14 лет. По мнению законодателя подобное возрастное ограничение защищает ребенка от преждевременного сексуального опыта. Данное преступление имеет две тяжелые формы – причинение вреда ребенку или наступление беременности и смерть. Основная форма, предписанная в пункте 1, полностью определяет характер этого уголовного преступления ([Алексић, 2010](#)). Законодатель оставил возможность для исключения уголовного наказания, в случаях, если ребенок не имеет существенных различий в физической и психологической зрелости. В условиях отсутствия четких правовых норм и высокой степени индивидуальности каждого отдельного случая, решение о состоянии зрелости принимает экспертная медицинская комиссия ([Миленовић, 2013](#)).

- **Сутенерство и соращение несовершеннолетних** (ст. 183). Сутенерство может заключаться в способствовании установлению контакта; уговоры и угрозы в отношении несовершеннолетнего; а также передача сообщений и другое вмешательство;

- **Использование детей и подростков для создания порнографических материалов** (ст. 185a);

●Использование компьютерных сетей или других технических средств связи средства для совершения преступных действий в отношении сексуальной свободы несовершеннолетнего лица (ст. 185б).

В 2009 году положения Уголовного кодекса Сербии в отношении вовлечения несовершеннолетних в производство порнографических материалов было приведены в соответствие с указанными выше международными актами. В результате появилось 2 отдельные статьи 185а и 185б.

Кроме того, законодатель выделил ещё одно преступное деяние в отношении сексуальной свободы несовершеннолетнего, входящее в группу преступлений против брака и семьи, такое преступление как инцест (ст. 197). Данное преступление характеризуется как половой акт или другое равное половому акту действие между членами семьи и родственниками по прямой линии и боковой линии во второй степени. В данном случае преступник – всегда взрослый (совершеннолетний), жертва – несовершеннолетний родственник (Миленовић, 2013).

В дополнение к положениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в 2013 году был принят «Закон о специальных мерах по предотвращению совершения уголовных преступлений против сексуальной свободы в отношении несовершеннолетних». Данный акт содержит ряд дополнений по применению мер к преступникам, чья вина была доказана. К числу таковых относится: прекращение государственной должности, прекращение трудовых отношений, если работа была связана с несовершеннолетними, а также получение новой государственной должности в будущем или начало работы в сфере связанной с несовершеннолетними.

Кроме того, лицам, совершившим преступления против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних, предписано уведомлять правоохранительные органы о переезде, смене места работы или выезде за границу; посещать профессиональные консультационные центры и учреждения; запрещается посещать места, где собираются несовершеннолетние (в частности, образовательные организации). Срок подобных специальных мер ограничивается 20 годами. Однако существует возможность подать заявление о пересмотре применяемых к лицу мер (Закон о посебним мерама...).

Преступления сексуального характера оказывают серьезное негативное влияние на психологическое и физическое состояние жертвы, что требует серьёзной реабилитационной работы. Так, с начала 1990-х годов в Республики Сербия начинают создаваться первых негосударственные организации оказывающие помощь различным категориям населения, в том числе к началу 2000-х годов возникла и организация, специализирующаяся на категории несовершеннолетних. Кроме того, в силу общественного отношения к самому характеру преступлений и их жертвам, возникает необходимость в обеспечении анонимности, которую могут обеспечить существующие в Сербии телефоны доверия (Хусяинов, 2017).

Огромное значение при защите половой неприкосновенности несовершеннолетних имеет международное право, которое содержит основные права несовершеннолетних, а также некоторые нормы ведения уголовных дел по данным преступлениям.

Стоит отметить высокое значение сравнительно-правовых исследований, демонстрирующих, в ходе сопоставления, плюсы и минусы определенных норм национального права.

Особенно стоит отметить, что законодатель выражает неоспоримый взгляд на необходимость особой защиты несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, то есть детей, что было отражено в статье 180 УК. Данная норма связана с недостаточной психофизиологической зрелости и понимания значения полового акта в этом возрасте. Кроме того, данная статья содержит обстоятельства, при которых исключается уголовная ответственность. К этим обстоятельствам относится, отсутствие существенных различий в физической и психологической зрелости ребенка и преступника. Как отмечает З. Стоянович, это личная основа исключения виновности (Petković et. al., 2012b; Стојановић, 2007; Стојановић, Делић, 2014). При этом остаётся неясность, какой круг лиц может соответствовать применению этих положений: может ли быть к ним отнесен взрослый человек, чьи психологические и физиологические характеристики соответствуют таким же характеристикам пассивного объекта (ребенка). В современной сербской правовой

литературе данная проблема решается на основании теоретических разработок, зарубежного опыта и судебной практики. Так, З. Радойкович (Радойковић, 2016) предполагает, что категория, описанная в статье, формируется исходя из возраста. При этом разница между субъектами может варьироваться от 2 до 4 лет, при условии, что пассивный субъект не младше 12 лет. При этом, он отмечает, что в каждом отдельном случае необходимо специализированное исследование о соотношении интеллектуальной и физической зрелости.

Общественный сектор Сербии играет существенную роль в решении проблем вторичной виктимизации и реабилитации несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений сексуального характера.

Проводя сравнение уголовного законодательства Сербии и России можно отметить, что в Уголовном кодексе России большое значение имеет возраст пострадавшего несовершеннолетнего, в то время, как в законодательстве Сербии подобной дифференциации нет, кроме одной статьи 180 – «Половой акт с ребенком», ограничивающей возраст жертвы 14 годами. Важно отметить, что действие данной статьи распространяется исключительно в случаях, когда сексуальные действия не сопровождались применением силы или угроз. Исходя из этого, было выдвинуто предположение, что законодательство предполагает наличие у ребёнка воли и не отрицает добровольного согласия (Милович, 2015). Что, однако, не освобождает от ответственности за совершенное преступление.

Как уже отмечалось выше, законодательство Сербии в вопросах сексуального насилия в отношении несовершеннолетних имеет довольно высокую дифференциацию составов преступлений, что в значительной степени отличает его от российского уголовного права. Так, например, отдельно выделена статья, отсутствующая в УК РФ, относительно полового акта с беспомощным человеком, т.е. неспособным выразить свою волю или оказать сопротивление. Также содержатся отличия в сроках заключения и форма наказания, в уголовном праве Сербии за подобные преступления не предполагается таких форм наказания как денежный штраф или исправительные работы, которые есть в российском (например, ст. 133 УК РФ).

Можно предположить, что столь высокая дифференциация в вопросах квалификации преступлений позволяет с наибольшей точностью определить состав преступления. Важным аспектом является конкретизация норм права, что оказывает влияние на выбор юридических фактов и правоприменительную деятельность (Колесник, 2011).

Кроме основных мер наказания за преступления против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних, на территории Сербии действует свод специальных мер, которые направлены для снижения риска рецидива. Для этого они запрещают преступнику занимать определенные должности, предписывают информировать о своих перемещениях, а также запрещают находиться в местах скопления несовершеннолетних.

Кроме того, в современном сербском обществе идет активная дискуссия на тему внедрения в число наказаний химическую кастрацию.

4. Результаты

Важной задачей стоящей перед обществом является не только создание карающего законодательства, и мер по реабилитации пострадавших, их девиктимизация, но и профилактическая работа с целью минимизации подобных преступлений.

5. Заключение

В ходе анализа уголовного законодательства Республики Сербия, мы видим высокую дифференциацию различных преступных деяний направленных против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних лиц. При этом они выделены в отдельные статьи Уголовного кодекса.

В большинстве случаев за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего по законодательству Сербии назначается срок тюремного заключения до 15 лет. Стоит отметить, что отягчающим фактором для большинства деяний является наступление беременности после полового акта, физические травма или наступление смерти несовершеннолетнего.

Литература

Абдуллаев, 2016 – *Абдуллаев Я.Д.* Некоторые вопросы организации и раскрытия преступлений, связанных с оказанием услуг интимного характера // *Наука. Мысль*. 2016, № 5-2. С. 6-13.

Авдеев, 2011 – *Авдеева М.В.* Об усилении уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних // *Журнал российского права*, 2011, № 4 (172). С. 121-126.

Алексић, 2010 – *Алексић Н.* Коментар члана 180. Кривичног законика Републике Србије – са освртом на упоредно право // *Страни правни живот*, 2010. № 2. С. 347-357.

Закон о посебним мерама... – Закон о посебним мерама за спречавање вршења кривичних дела против полне слободе према малолетним лицима // *Службени гласник РС*. 2013. № 32.

Илић, 2014 – *Илић И.* Процесна заштита малолетних жртава злостављања и занемаривања // *Зборник радова Правног факултета у Нишу. Година LII*. 2014. Бр. 66. С. 343-359. [Электронный ресурс]. URL: <http://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0350-8501/2014/0350-85011466343I.pdf>

Колесник, 2011 – *Колесник И.В.* Правотворческая и правоприменительная конкретизация // *Философия права*, 2011. № 3 (46). С. 23-27.

Конвенция Совета Европы о защите детей... – Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. Официальный сайт Совета Европы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/en/web/children/lanzarote-convention>

Кривични Закон Републике Српске – Кривични Закон Републике Српске. Службени гласник РС. бр. 49/03.

Миленовић, 2013 – *Миленовић Н.* Сексуално злостављање деце: облици и учесталост: мастер рад. Ниш, 2013. 145 с.

Радојковић, 2016 – *Радојковић З.* Третман кривичног дела силовања у правној теорији и пракси: Докторска дисертација. Сремска Каменица: Универзитет Едуконс, 2016.

Стојановић, 2007 – *Стојановић З.* Коментар кривичног законика. Београд: Службени гласник, 2007.

Стојановић, Делић, 2014 – *Стојановић З., Делић Н.* Кривично право – посебни део (друго издање). Београд, 2014.

Устав Републике Србије из 2006 године – Устав Републике Србије из 2006 године. [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.nb.rs/direct/RA-ustav-2006>

Хусяинов, 2017 – *Хусяинов Т.М.* Становление системы социальной работы и помощи жертвам преступлений в Сербии // *Наука. Мысль*, 2017. № 3-2. С. 89-92. [Электронный ресурс]. URL: wwenews.esrae.ru/56-752

Krivični zakonik – *Krivični zakonik* (br. 94/2016). Paragraf. [Электронный ресурс]. URL: http://paragraf.rs/propisi/krivicni_zakonik.html

Petković et al., 2012a – *Petković N., Pavlović Z., Dimitrijević J.* Krivičnopravna zaštita dece od seksualnog nasilja (Predlozi de lege ferenda) // *Specijalna edukacija i rehabilitacija*, 2012. Vol. 11. №2. С. 307-324. [Электронный ресурс]. URL: <http://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/1452-7367/2012/1452-73671202307P.pdf>

Petković et al., 2012b – *Petković N., Pavlović Z., Dimitrijević J.* Legal and criminal law protection of children from sexual violence: Proposals de Lege Ferenda // *Specijalna edukacija i rehabilitacija*, 2012. №11 (2). pp. 307-324.

Petković et al., 2010 – *Petković N., Đorđević M., Baloš V.* Analiza stavova javnosti u Srbiji prema fenomenu seksualne zloupotrebe dece // *Temida*, 2010. №13(4). pp. 61-82.

References

Abdullaev, 2016 – *Abdullaev, Ya.D.* (2016). Nekotorye voprosy organizatsii i raskrytiya prestuplenii, svyazannykh s okazaniem uslug intimnogo kharaktera [Some issues of organization and disclosure of crimes related to the provision of services of an intimate nature]. Science. Thought. 5-2: 6-13. URL: <http://wwenews.esrae.ru/33-321> [in Russian].

[Avdeeva, 2011](#) – *Avdeeva, M.V.* (2011). Ob usilenii ugovolnoi otvetstvennosti za seksual'nye posyagatel'stva v otnoshenii nesovershennoletnikh [On Strengthening Criminal Responsibility for Sexual Abuse of Minors]. *Journal of Russian Law*. 4 (172): 121-126. [in Russian]

[Aleksić, 2010](#) – *Aleksić, N.* (2010). Komentar chlana 180. Krivichnog zakonika Republike Srbije – sa osvrtom na uporedno pravo [Commentary on Article 180 of the Criminal Code of the Republic of Serbia – with reference to comparative law]. *Countries legal life*. 2: 347-357. [in Serbian]

[Zakon o posebnim merama...](#) – Zakon o posebnim merama za sprečavanje vršeha krivičnih dela protiv polne slobode prema maloletnim licima [Law on Special Measures to Prevent Minor Offenders of Criminal Offenses Against Sexual Freedoms]. *Official Gazette of RS*. 2013. 32. [in Serbian]

[Ilić, 2014](#) – *Ilić, I.* (2014). Procesna zashtita maloletnih zrtava zlostavljanja i zanemarivanja [Procedural Protection of Juvenile Victims of Abuse and Neglect]. *Proceedings of the Law Faculty in Nis*. LII (66): 343-359. URL: <http://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0350-8501/2014/0350-85011466343I.pdf> [in Serbian]

[Kolesnik, 2011](#) – *Kolesnik, I.V.* (2011). Pravotvorcheskaja i pravoprimeritel'naja konkretizacija [Pravotvorcheskaya and pravoprimeritel'naya concretization]. *Philosophy of law*. 3: 23-27. [in Russian]

[Konvencija Saveta Evropy o zashhite detej...](#) – Konvencija Saveta Evropy o zashhite detej ot seksual'noj jekspluatacii i seksual'nogo nasilija [Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Violence]. Official website of the Council of Europe. URL: <http://www.coe.int/en/web/children/lanzarote-convention> [in Russian]

[Krivichni Zakon Republike Srpske](#) – Krivichni Zakon Republike Srpske [The Criminal Code of Republika Srpska]. Official Gazette of RS. 49/03. [in Serbian]

[Milenovic, 2013](#) – *Milenovic, N.* (2013). Seksual'no zlostavljanje dece: oblici i uchestalost [Sexual abuse of children: forms and frequency]: master dissertation. Niš, 145 p. [in Serbian]

[Radojkovic, 2016](#) – *Radojkovic, Z.* (2016). Tretman krivičnog dela silovanja u pravnoj teoriji i praksi [Treatment of the criminal offense of rape in legal theory and practice]: Doctoral dissertation. Sremska Kamenica: University of Edukon. [in Serbian]

[Stojanović, 2007](#) – *Stojanović, Z.* (2007). Komentar krivičnog zakonika [Commentary on the Criminal Code]. Beograd: Sluzhbeni glasnik. [in Serbian]

[Stojanović, Delić, 2014](#) – *Stojanović, Z., Delić, N.* (2014). Krivično pravo – posebni deo (drugo izdanje) [Criminal law – a special part (second edition)]. Beograd. [in Serbian]

[Ustav Republike Srbije iz 2006 godine](#) – *Ustav Republike Srbije iz 2006 godine*. URL: <http://digital.nb.rs/direct/RA-ustav-2006> [in Serbian]

[Khusyainov, 2017](#) – *Khusyainov, T.M.* (2017). Stanovlenie sistemy social'noj raboty i pomoshhi zhertvam prestuplenij v Serbii [Formation of a system of social work and assistance to victims of crimes in Serbia]. *Science. Thought*. 3-2: 89-92. URL: wwenews.esrae.ru/56-752 [in Russian]

[Krivični zakonik](#) – Krivični zakonik (br. 94/2016). Paragraf. URL: http://paragraf.rs/propisi/krivieni_zakonik.html [in Serbian]

[Petković et. al., 2012a](#) – *Petković, N., Pavlović, Z., Dimitrijević, J.* (2012). Krivičnopravna zaštita dece od seksualnog nasilja (Predlozi de lege ferenda). Specijalna edukacija i rehabilitacija. 11(2): 307-324. URL: <http://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/1452-7367/2012/1452-73671202307P.pdf> [in Serbian]

[Petković et. al., 2012b](#) – *Petković, N., Pavlović, Z., Dimitrijević, J.* (2012). Legal and criminal law protection of children from sexual violence: Proposals de Lege Ferenda. *Specijalna edukacija i rehabilitacija*. 11(2): 307-324.

[Petković et al., 2010](#) – *Petković, N., Đorđević, M., Baloš, V.* (2000). Analiza stavova javnosti u Srbiji prema fenomenu seksualne zloupotrebe dece. *Temida*. 13(4): 61-82. [in Serbian]

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних в уголовном законодательстве Республики Сербия

Тимур Маратович Хусяинов ^{а, *}

^а Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются положения уголовного законодательства Республики Сербия о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних. Автор рассматривает степень распространённости данного вида преступлений, а также приводит основные положения уголовного законодательства Сербии в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, которые содержатся в статьях УК, а также специальных нормативно-правовых актах; и положениях международных соглашений, ратифицированных этой страной. Основной задачей работы является анализ зарубежного опыта в деле охраны прав несовершеннолетних. При этом анализируется трансформация норм сербского законодательства относительно сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних, в вопросах внедрения международных норм права, а также расширения сербского национального права. Автор выделяет основные характеристики уголовного законодательства Сербии в вопросах противодействия феномену сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. В данном исследовании анализируются отдельные статьи Уголовно кодекса Республики Сербия и проводится сравнительный анализ между ними, при этом при трактовке тех или иных положений и конкретизации правоприменительной практики, автором активно привлекается современная сербская научная литература. Законодательство Республики Сербия демонстрирует высокую дифференциацию составов преступления, что вероятно позволяет более успешно бороться с преступностью.

Ключевые слова: Республика Сербия, уголовное право, половая неприкосновенность, несовершеннолетние, сексуальное насилие, педофилия, изнасилование.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: timur@husyainov.ru (Т.М. Хусяинов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 30-39

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.30
www.ejournal25.com

The Impact of International Information Security on the Exercise of the Right of Peoples to Self-Determination

Sergey E. Smirnykh ^{a, *}

^a Russian Association of International Law, Russian Federation

Abstract

The article explores topical issues of the influence of international information security on the exercise of the right of peoples to self-determination in the context of globalization. The creation of a single international information space has both positive and negative aspects. Under these conditions, ensuring the security of states is possible only within the framework of a collective strategy. Various threats to international information security have been investigated. Some points of view on the concept of international information security are considered. International documents enshrining the provisions on the right of peoples to self-determination are analyzed. Topical issues of the principle of territorial integrity of states are considered. It is noted that the issues of the influence of international information security on the exercise of the right of peoples to self-determination in the context of globalization are also relevant for Russia.

Keywords: international information security, the right of peoples to self-determination, globalization.

1. Введение

В современном глобализирующемся мире вопросы международной информационной безопасности и права народов на самоопределение приобретают все большую важность.

Роль информации в современном обществе увеличивается. Одновременно усиливаются угрозы использования информационных технологий деструктивного порядка и информационного оружия.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали международно-правовые документы и материалы журнальных публикаций.

В процессе работы применялись, прежде всего, общенаучные методы исследования: диалектический метод, дедуктивный метод, при котором сначала анализируются общие закономерности того или иного явления, а затем конкретные формы его проявления, и также метод индукции, при котором анализ конкретных проблем позволяет проследить некие обобщенные закономерности происхождения и динамики развития более общих процессов.

* Corresponding author

E-mail addresses: marya_babanova@inbox.ru (S.E. Smirnykh)

3. Обсуждение

Информационные технологии внедряются во все сферы жизни общества. Основными тенденциями в этой сфере является обеспечение максимально широкого использования Интернета, доступа заинтересованных лиц к соответствующей информации.

Прежде всего, следует иметь в виду, что в силу Соглашения между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2009 г. «международная информационная безопасность» – это состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве.

В настоящее время угрозы международной информационной безопасности приобретают глобальный характер и представляют собой объективную реальность, обусловленную замкнутостью планеты, формированием мирового хозяйства, глобальными коммуникациями и т.д.

Процессы глобализации вызывают многочисленные вопросы в области обеспечения безопасности, как на международном, так и на национальном уровне. Развитие научно-технического прогресса, информационно-телекоммуникационных технологий нивелировали возможности организационного и политического контроля (Filippov, 2016: 329).

Глобализация настойчиво входит в жизнь человечества, охватывая все страны и регионы мира. Она консолидирует международные экономические, информационные и технические связи. Вместе с этим появляются все новые проблемы, которые обостряют существовавшие и в прошлом конфликты, и могут иметь самые негативные последствия для мирного развития человечества (Law and human rights, 2006: 7).

Как справедливо отмечает А.А. Ковалев, все большую актуальность приобретает научно-технический прогресс, создание единого информационного пространства, резкое усиление трансграничной торговли товарами и услугами, создание интеграционных объединений и т.д. (Kovalev, 2012: 40).

Следует иметь в виду, что охрана прав и законных интересов от воздействия вредной информации может начинаться с установления международными договорами запретов или ограничений на ее распространение, производство и применение.

Некоторые международные договоры устанавливают запреты на распространение информации, представляющей угрозу для международной информационной безопасности.

Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими 1923 г. запретила изготовление или хранение сочинений, рисунков, гравюр, картин, печатных изданий, изображений, афиш, эмблем, фотографий, кинематографических фильмов и других порнографических предметов, с целью их продажи или распространения, или же публичного их выставления.

Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира 1936 г. закрепила положение о том, что государства взаимно обязуются воспрещать и, в случае, когда это имеет место, немедленно прекращать на своих территориях любые передачи, которые могут нанести ущерб международному взаимопониманию в результате сообщений, неправильность которых известна лицам, ответственным за передачи.

Так, Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 110 (11) от 3 ноября 1947 г. «Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны» осудила любые формы пропаганды войны и поощряет дружественные отношения между государствами.

В силу ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляет положение о том, что всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. Любые выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющие собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должны быть запрещены законом.

Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. закрепила положения о том, что государства или группы государств не имеют права осуществлять интервенцию или вмешательство в любых формах или по каким бы то ни было причинам во внутренние и внешние дела других государств.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. запрещает любые различия, исключения, ограничения или предпочтения, основанные на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод.

При этом следует иметь в виду, что создание единого международного информационного пространства имеет как положительные, так и отрицательные аспекты.

К примеру, Интернет позволяет получать дистанционное образование, налаживать контакты, совершать сделки. Одновременно он представляет и определенную опасность для пользователей в связи с распространением недостоверной информации.

При этом необходимо иметь в виду, что состояние правового обеспечения информационной безопасности на международном уровне позволяет сделать вывод о его концептуальной неопределенности. Правовое регулирование в этой области поверхностно, постоянно лавирует, выполняя сиюминутные задачи, и не всегда своевременно реагирует на информационные угрозы правам и интересам субъектов отношений (Archagov, 2018: 61).

В связи с этим можно согласиться с утверждением о том, что обеспечение безопасности любых государств возможно только в рамках коллективной стратегии. В зависимости от того, каким будет место и роль России в коллективной стратегии безопасности, зависит и ее будущее.

Поэтому будет справедливым утверждение о том, что и обеспечение информационной безопасности также в полной мере возможно в рамках коллективной стратегии. От обеспечения информационной безопасности также во многом зависит будущее России и ее многонационального народа.

Необходимо иметь в виду, что XXI век, считается веком информационных технологий, которые являются одним из основных факторов, влияющих на развитие общества (Aliyev, 2016: 345).

Следует иметь в виду, что всемирная сеть Интернет широко используется для пропаганды различных экстремистских идей и движений, кибермошенничества, информационных блокад, компьютерного шпионажа и иных посягательств, представляющих повышенную опасность для общества. В процессе мониторинга российских и иностранных социальных сетей выявляются многочисленные текстовые и видеоматериалы, оправдывающие и пропагандирующие деятельность террористических и экстремистских сообществ, призывающих к терроризму (Savenkova, 2018: 119-120).

Пропаганда различных экстремистских идей и движений может привести к злоупотреблению правом народов на самоопределение и распаду государств.

В связи с этим представляется необходимым определить понятие информационной безопасности в международном праве и рассмотреть общие положения о безопасности.

Так, в литературе по международному праву закреплены различные определения права международной безопасности. К примеру, с точки зрения Г.М. Мелкова, право международной безопасности представляет собой совокупность принципов и норм, направленных на поддержание мира и международной безопасности, пресечение актов агрессии, обеспечение политической, экономической, экологической, продовольственной, информационной и других видов безопасности государств (Melkov, 2009: 327).

По мнению Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой? право международной безопасности - это совокупность международно-правовых принципов и норм, направленных на поддержание международного мира и обеспечение безопасности в самых различных областях – военной, политической, экономической, финансовой, гуманитарной, экологической и др. (Kolosov, 2007: 404).

С точки зрения И.И. Лукашука и Г.Г. Шинкарецкой право международной безопасности является совокупностью норм, регулирующих взаимодействие государств в области обеспечения всеобщего мира и безопасности, включая превентивную деятельность (Lukashuk, Shinkaretskaya, 2003: 208).

По мнению Е.Т. Усенко, международная безопасность в современном мире может быть только коллективной. Ее суть заключается в том, что она предполагает создание системы совместных мероприятий государств всего мира для предотвращения и устранения угроз миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира (Usenko, Shinkaretskaya, 2005: 476).

Следует иметь в виду, что соблюдение и укрепление мира и безопасности, установленного Уставом Организации Объединенных Наций, имеет большое значение в связи с тем, что альтернативы этому правопорядку нет, и в обозримом будущем не предвидится (Ushakov, 2000: 202).

В научной правовой литературе существуют различные точки зрения на понятие информационной безопасности. Так, по мнению О.С. Макарова информационная безопасность представляет собой отвечающее сбалансированным интересам личности, общества и государства состояние информационных технологий, информационных ресурсов, информационной среды в целом, позволяющее сохранять гарантированную устойчивость информационного взаимодействия ее пользователей (Makarov, 2014: 14).

Важным вопросом в области правового обеспечения международной информационной безопасности является применение международного права к отношениям, возникающим по поводу злонамеренного использования информационно-коммуникационных технологий, создающего угрозу международному миру и безопасности (Streltsov, 2017: 152).

Информационная безопасность имеет существенное значение для реализации права народов на самоопределение. Вопрос о праве на самоопределение и территориальной целостности государств является одним из самых сложных и спорных в международном праве. Реализация этого права неразрывно связана с судьбой суверенных государств и народов (Kartashkin, 2016: 24).

В связи с этим вызывает интерес исследование некоторых теоретических вопросов права народов на самоопределение. В теоретической литературе по международному праву существуют различные точки зрения на понятие права народов на самоопределение.

Так, по мнению С.В. Черниченко право на самоопределение включает в себя следующие элементы: обязанность уважать право народов на самоопределение; это право реализуется путем свободного волеизъявления народов или наций; его реализация исключает какое-либо давление; оно исключает возможность выбора политического статуса; оно означает возможность выбора формы государства и социально-экономического строя (Chernichenko, 1999: 168).

Следует отметить, что право народов на самоопределение можно рассматривать как одно из прав человека коллективного характера (Chernichenko, 2004: 276). Право народов на самоопределение вплоть до отделения становится опасным тем, что провоцирует сепаратистские настроения, и бесполезным, с другой стороны, в том смысле, что обретение независимости не решает проблем самостоятельного развития народа (Blischenko, 1997: 4).

Необходимо отметить, что право народов на самоопределение вплоть до отделения имеет свои пределы и ограничения. Так, если государства обеспечивают народам право на самоопределение, т.е. право самим определять свою политическую, социальную и экономическую систему, гарантируют населению общепризнанные права и свободы человека, то расчленение таких государств по воле отдельных меньшинств противоправно (Lukashuk, 1997: 20-21).

При этом остается открытым вопрос об определении понятия «народ» в международном праве. Представляется целесообразным согласиться с утверждением Н.А. Ушакова, что «народ» представляет собой совокупность постоянно проживающих на определенной территории людей, независимо от различий между ними расового, этнического, религиозного или иного характера (Ushakov, 2000: 67).

Процесс превращения населения в народ требует времени, и степень его консолидированности может быть либо высокой, либо незначительной, что может привести к распаду народов и государств. При этом следует иметь в виду, что длительное сосуществование народов в рамках государств не гарантирует их от распада (Chernichenko, 1999: 178).

История становления права народов на самоопределение представляет собой пример борьбы. Признание Организацией Объединенных Наций права народов на самоопределение, не привело к прекращению борьбы вокруг этого принципа, она наоборот стала еще более жесткой (Tunkin, 1970: 73).

В связи с этим следует иметь в виду, что именно народу, проживающему на конкретной территории, принадлежат все права, о которых говорится во всех действующих

международных договорах и других документах, включая резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (Melkov, 2009: 89).

Многие международно-правовые документы закрепляют положения о праве народов на самоопределение. Так, к примеру, п. 2 ст. 1 Устава ООН предусматривает положение о необходимости развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира.

Согласно ч. 1 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

В силу положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. государства должны уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Исходя из принципа равноправия и права народов, распоряжаться своей судьбой, народы имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие.

Венская декларация и Программа действий 1993 г. закрепила положение о том, что Всемирная конференция по правам человека считает отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права.

Следует иметь в виду, что право народов на самоопределение означает возможность выбора политического статуса и формы государства, право народов свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Право народов на самоопределение должно осуществляться путем свободного волеизъявления народов без каких-либо вмешательств извне (Chernichenko, 2004: 277).

Положения о праве народов на самоопределение получили закрепление в ряде международно-правовых документов. Так, Декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» 1960 г. закрепила положения о том, что подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека.

При этом все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости.

Любые военные действия или репрессивные меры, какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены, для того, чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость.

В подопечных и несамостоятельных территориях, а также во всех других территориях, не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий, в соответствии со свободно выраженной ими волей.

Любые попытки, направленные на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность государств, несовместимы с целями и принципами Устава ООН.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. закрепила положения о том, что все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Государства обязаны содействовать с помощью совместных и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов, с тем чтобы:

способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами и незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов.

Создание суверенных и независимых государств, свободное присоединение к независимым государствам или объединение с ними, или установление любых других политических статусов, свободно определенных народом, являются формами осуществления этими народами права на самоопределение.

Государства обязаны воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее.

Территории колоний или других самоуправляющихся территорий должны иметь статус, отдельный и отличный от статуса территории государств, управляющих ею.

Вызывает интерес рассмотрение некоторых аспектов принципа территориальной целостности государств. В частности, принцип территориальной целостности государств предполагает следующее: необходимость уважать территориальную целостность государств; воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций; воздерживаться от превращения территории друга друга в объект военной оккупации или в объект приобретения с помощью применения силы или угрозы силой.

Государства должны воздерживаться от любых действий в информационной сфере, которые направлены на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любых других стран.

В связи с этим необходимо отметить, что нарушение национального единства и территориальной целостности государств возможно в результате кибер-атак, которые могут нарушить не только работу критически важных информационных ресурсов государств, похитить информацию, составляющую государственную тайну, но и подорвать систему национальной безопасности, что следует квалифицировать как акт агрессии (Timoshkov, 2017: 4).

Можно согласиться с утверждением о том, что право народов на самоопределение должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями других принципов международного права. При этом право на отделение, как правило, не является формой права на самоопределение. Его реализация может быть связана с закреплением в конституциях государств (Kolosov, 2007: 82-83).

Необходимо иметь в виду, что право народов на самоопределение не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или нарушению территориальной целостности или политического единства государств (Ushakov, 2000: 67).

Одним из наиболее важных документов, закрепляющих положения о праве на самоопределение, является Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека.

При этом все народы имеют право на самоопределение, согласно которому они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для достижения независимости.

Любые военные действия или репрессивные меры, какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены, с тем, чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость, а целостность их территорий должна уважаться.

Во всех территориях, еще не достигших независимости, должны быть приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий, в соответствии со свободно выраженной

ими волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок и независимо от расы, религии или цвета кожи, с тем, чтобы предоставить им возможность пользоваться полной независимостью и свободой.

Любые попытки, направленные на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность стран, несовместимы с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Все государства должны строго и добросовестно соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека на основе равенства, невмешательства во внутренние дела всех государств, уважения суверенных прав всех народов и территориальной целостности их государств (Ignatenko, 2003: 134).

В силу принципа территориальной целостности территория государств может быть изменена только на основании добровольного согласия самих государств на основе вступивших в силу международных договоров между заинтересованными государствами (Melkov, 2009: 96).

Вопросы влияния международной информационной безопасности на осуществление права народов на самоопределение в условиях глобализации являются актуальными и для России.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть некоторые аспекты стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В частности, под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

При этом государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития должна способствовать реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов. В настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире.

Следует иметь в виду, что процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все больше охватывает ценности общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов.

В международных отношениях сохраняется роль фактора силы. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружением.

Свержение политических режимов, провоцирование внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Появление террористической

организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом.

Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих целей.

Следует отметить, что все чаще появляются новые формы противоправной деятельности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Все более обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркотиками.

В современном мире государства должны выстраивать международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов.

Обеспечению национальных интересов государств должна способствовать активная внешняя политика государств, направленная на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций. В качестве центрального элемента такой системы международных отношений необходимо рассматривать Организацию Объединенных Наций и ее Совет Безопасности.

В заключение следует отметить, что многие вопросы влияния международной информационной безопасности на осуществление права народов на самоопределение в условиях глобализации остаются не в полной мере изученными и заслуживают дальнейших исследований.

References

[Filippov, 2016](#) – *Filippov, O.A.* (2016). Protivorechiya globalizatsii i interesy mezhdunarodnoj i natsional'noj bezopasnosti [Contradictions of globalization and the interests of international and national security]. *EvrAzijskij juridicheskij zhurnal*. № 8. [in Russian]

[Law and human rights, 2006](#) – *Lukasheva, E.A., Kolotova, N.V.* (2006). Pravo i prava cheloveka v usloviyah globalizatsii [Law and Human Rights in the Context of Globalization]. *Materialy nauchnoj konferencii. Posvyashchaetsya 80-letiyu IGP RAN*. Ros. akad. nauk, In-t gosudarstva i prava; Otv. red. Lukasheva E.A., Kolotova N.V. M.: IGP RAN. [in Russian]

[Kovalev, 2012](#) – *Kovalev, A.A.* (2012). Globalizatsiya i vopros transformatsii gosudarstvennogo suvereniteta [Globalization and the question of the transformation of state sovereignty]. *EvrAzijskij juridicheskij zhurnal*. № 11. [in Russian]

[Archagov, Makarov, 2018](#) – *Archagov, V.Y., Makarov, O.S.* (2018). Aktual'nye problemy pravovogo obespecheniya mezhdunarodnoj informatsionnoj bezopasnosti [Actual problems of legal support of international information security]. *Dinamika institutov informatsionnoj bezopasnosti. Pravovye problemy. Sb. nauch. Trudov. Otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.H.V. Talapina*. Moskva: IGP RAN. Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». [in Russian]

[Aliyev, 2016](#) – *Aliyev, Z.G.* (2016). Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii i prava cheloveka [Information and communication technologies and human rights]. *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 2015. Sotsial'no-kommercheskaya firma «Rossiya-Neva», Sankt-Peterburg. Information and communication technologies and human rights. [in Russian]

[Blischenko, 1997](#) – *Blischenko, I.P.* (1997). Avtonomiya i mezhdunarodnoe pravo [Autonomy and international law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. [in Russian]

[Chernichenko, 1999](#) – *Chernichenko, S.V.* (1999). Teoriya mezhdunarodnogo prava v 2-h tomah [The theory of international law]. Tom 2: Starye i novye teoreticheskie problemy. M.: Izdatel'stvo NIMP. [in Russian]

[Chernichenko, 2004](#) – *Chernichenko, S.V.* (2004). Kontury mezhdunarodnogo prava [The contours of international law]. *Obshchie voprosy. M. Nauchnaya kniga*. [in Russian]

Kolosov, Krivchikova, 2007 – *Kolosov, Y.M., Krivchikova, E.S.* (2007). *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik*. Otv. red. Y.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov*. Otv. red. G.M. Melkov. M. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, Yurajt-Izdat]. *International Law: Textbook*. Ed. Y.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. 2nd ed., Pererab. and add. M.: International Relations, Yurait-Izdat. [in Russian]

Ignatenko, 2003 – *Tiunov, O.I.* (2003). *Mezhdunarodnoe pravo [International law]*. Uchebnik dlya vuzov. Otvetstvennye redaktory prof. G.V. Ignatenko i prof. O.I. Tiunov. M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA – INFRA M. [in Russian]

Kartashkin, 2016 – *Kartashkin, V.A.* (2016). *Ustav OON i osnovnye principy sovremennogo mezhdunarodnogo prava [The UN Charter and the basic principles of modern international law]*. Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2015. Social'no-kommercheskaya firma «ROSSIYA-NEVA», Sankt-Peterburg. [in Russian]

Kolosov, Krivchikova, 2007 – *Kolosov, Y.M., Krivchikova, E.S.* (2007). *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]: Uchebnik*. Otv. red. Y.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, YUrajt-Izdat. [in Russian]

Lukashuk, 1997 – *Lukashuk, I.I.* (1997). *Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnoe pravo*. Seriya «Novoe v yuridicheskoy nauke i praktike». Otvetstvennyj redaktor serii akademik Topornin B.N. Lukashuk I.I. *Russian foreign policy and international law*. Series New in legal science and practice. Executive editor of the series Academician B.N. Topornine. [in Russian]

Lukashuk, Shinkaretskaya, 2003 – *Lukashuk, I.I., Shinkaretskaya, G.G.* (2003) *Mezhdunarodnoe pravo [International law]*. Elementarnyj kurs. M.: Yurist. [in Russian]

Makarov, 2014 – *Makarov, O.S.* (2014). *Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti na primere zashchity gosudarstvennyh sekretov gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [Legal support of information security on the example of the protection of state secrets of the States members of the Commonwealth of Independent States]*. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. [in Russian]

Melkov, 2009 – *Melkov, G.M.* (2009). *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]: Uchebnik dlya vuzov*. Otv. red. G.M. Melkov. M.: RIOR. [in Russian]

Melkov, 2007 – *Melkov, G.M.* (2007). *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]: Uchebnik*. Otv. red. Y.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, Yrajt-Izdat. [in Russian]

Savenkova, 2018 – *Savenkova, D.D.* (2018). *Legal support of information security of the Russian Federation and the development of the institute of responsibility for offenses in the information sphere. Dynamics of information security institutions. Legal issues. Sat scientific Proceedings*. Ed. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapin. Moscow: IHP RAS. “Canon +” publishing house of the RPO. Rehabilitation. [in Russian]

Streltsov, 2017 – *Streltsov, A.A.* (2017) *Osnovnye problemy pravovogo obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [The main problems of legal support of international information security]*. Ponyatijnyj apparat v informacionnom prave. Otv. red. I.L. Bachilo, T.A. Polyakova, V.B. Naumov. Kol. Monografiya. M.: IGP RAN. Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya». [in Russian]

Timoshkov, 2017 – *Timoshkov, S.G.* (2017) *Agressiya kak mezhdunarodnoe prestuplenie [Aggression as an international crime]*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. M. [in Russian]

Tunkin, 1970 – *Tunkin, G.I.* (1970). *Teoriya mezhdunarodnogo prava [The theory of international law]*. Izdatel'stvo «Mezhdunarodnye otnosheniya». [in Russian]

Usenko, Shinkaretskaya, 2005 – *Usenko, E.T., Shinkaretskaya, G.G.* (2005). *International Law: Textbook*. Ed. E.T. Usenko, G.G. Shinkaretskaya. M. : Yurist. [in Russian]

Ushakov, 2000 – *Ushakov, N.A.* (2000). *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]: Uchebnik*. M.: Yurist. [in Russian]

Влияние международной информационной безопасности на осуществление права народов на самоопределение

Сергей Евгеньевич Смирных ^{а, *}

^а Российская ассоциация международного права, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследованы актуальные вопросы влияния международной информационной безопасности на осуществление права народов на самоопределение в условиях глобализации. Создание единого международного информационного пространства имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. В этих условиях обеспечение безопасности государств возможно только в рамках коллективной стратегии. Исследованы различные угрозы международной информационной безопасности. Рассмотрены некоторые точки зрения на понятие международной информационной безопасности. Проанализированы международные документы, закрепляющие положения о праве народов на самоопределение. Рассматриваются актуальные вопросы принципа территориальной целостности государств. Отмечается, что вопросы влияния международной информационной безопасности на осуществление права народов на самоопределение в условиях глобализации являются актуальными и для России.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, право народов на самоопределение, глобализация.

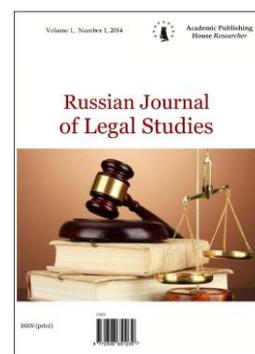
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: marya_babanova@inbox.ru (С.Е. Смирных)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 40-48

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.40
www.ejournal25.com

Provision of Agricultural Land Law in Vietnam: Reality and Petition for Changes

Luan Nguyen Thanh ^{a, *}

^a Hanoi Law University, Socialist Republic of Vietnam

Abstract

This article analyzes legal issues related to agricultural land in Vietnam such as which kinds of land is defined as agricultural land, land use term, quotas of accumulating and concentrating agricultural land, base for establishing the agricultural land use rights, rights and obligations of agricultural land users. Especially, the article does not only evaluates the reasonable points of those issues, but also figures out the insufficiencies and drawbacks with a view to changing those limits, improving land law then contributing in the development of agriculture in Vietnam nowadays.

Keyword: Vietnam; Land Law Act; agricultural land use rights; land using term; land using quotas; right and obligation of agricultural land user.

1. Introduction

Currently, adjustment of matters concerning to agricultural land of Vietnam are mostly written in Land Law Act 2013 ([Land Law Act, 2013](#)) and particularly stipulated in important by-law document – Decree 43/2014/ND-CP ([Decree 43/2014/ND-CP](#)) of government about detailed principle in applying some articles of Land Law Act, 2013. In general, those are the inheritance of the former Land Laws, which are Land Law Act 1987 ([Land Law Act, 1987](#)), Land Law Act 1993 ([Land Law Act, 1993](#)), Land Law Act 2003 ([Land Law Act, 2003](#)) and have been modified as well as supplied so as to be suitable for establishment and development objective of the economics pursuing Socialist Republic direction. Hence, the provisions of agricultural land types, land use term, quotas of accumulating and concentrating agricultural land, base for establishing the agricultural land use rights, rights and obligation of agricultural land users are among the main content to be indicated as following.

2. Document and methods

This research is executed on the base of currently law provisions in Vietnam about agricultural land and further studying result which had been published as: “Agricultural development and land policy: Summary” ([Marsh, 2007](#)); “The Legal Nature of Land Use Rights in Vietnam” ([Luan Thanh Nguyen, 2018](#)); “Land Law Act alteration to impulse firmly development of Vietnam – Summary of recommendation in priority policy inferred from World Bank researches” (World Bank, 2012); “Policy summary 06/2012: Small division of household’s land and between agricultural households in Vietnam” ([Markussen, 2012](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: thanhluanbdbp@gmail.com (Luan Thanh Nguyen)

It's completed by simultaneously using different research techniques such as analysis, general, dialectical materialism, interpretation, comparison, history, to dissect and comment those problems relating to agricultural land in Vietnam.

3. Discussion

Land Law Act, 2013 classifies all land types in Vietnam into three main parts which bases on theirs using objective:

- (i) agricultural land,
- (ii) non-agricultural land,
- (iii) unused land. In this law, while there is no general definition for agricultural land.

It is stipulated by listing particular land types which belong to agricultural land as follow:

- (i) Land for cultivation of annual crops, including paddy land and land for cultivation of other annual crops;
- (ii) land for cultivation of perennial trees;
- (iii) land for production forests;
- (iv) land for protection forests;
- (v) land for special-use forests;
- (vi) land for aquaculture;
- (vii) land for salt production;
- (viii) other agricultural land, including land used to build greenhouses and other building types for cultivation purpose, including fanning not directly on the land, or to build breeding facilities for cattle, poultry and other animals as permitted by law; land for cultivation, breeding and aquaculture for the purpose of learning, research or experimentation; land for planting and nursing seedlings and breeders, and land for growing flowers and ornamental plants.

While comparing to agricultural land definition in Article 42 Land Law Act, 1993 or further point of view about agricultural land types of Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO, 2013). It's undoubtedly that the agricultural land types stipulated in Land Law Act, 2013 are much wider as consisting both agricultural land and forestry land (this law distributes forestry land to three kinds: land for production forests; land for protection forests; land for special-use forests). This is marked as fit to the model of combining agricultural productions: cultivation and breeding, which are popular in Vietnam (Thuy Thi Thu Pham, 2014). However, it could make some misunderstandings or complexity for foreigners when first approaching Land Law to invest in agricultural and forestry fields of Vietnam.

Accompanying with agricultural land types are term of using as well as quotas of accumulating and concentrating agricultural land. They contain specific content of legal provision for agricultural land in Vietnam.

Firstly, term of using agricultural land is the time determined by law that all individuals, households, organizations are allowed to utilize agricultural land from the moment being authorized by government.

Proceeding from priority policy for protecting and developing forest in the context of climate change, in which Vietnam is predicted as one of the countries to bear the tough consequences (Jina Architects, 2015), land for protection forests, land for special-use forests and land for production forests are natural forest and agricultural land used by residents (mostly forest land) which have long use term without being limited in a specific point of time. Surprisingly, agricultural land use term can reach to seventy years for investors who execute the projects of investing agriculture and forest production, aquaculture, salt making while the speed of taking back capital is slow or carrying out the project in difficult socio-economic area, especially difficult socio-economic area which are stipulated in Decree 118/ND-CP (Decree 118/ND-CP) about detailed provision and direction for utilize Investment Law Act, 2014 (Investment Law Act, 2014). Other agricultural land types are common set to fifty years of using term. This is one of the changes in Land Law Act, 2013.

In the past, Land Law Act 2003 had distinction as it only permitted twenty years as using term for individual, household who directly using land for cultivation of annual crops, land for aquaculture, and land for salt production while using term of agricultural land for economical organization was fifty years. This alteration of Land Law Act 2003 is clearly reasonable because it can not only base on the method of cultivating short-day trees or long-day ones, individuals, households, economic organization to stipulate land using term. In many cases, investment on

annual trees or aquaculture may cost more than perennial trees so that too short land using term probably makes farmers hesitate to invest in land or even over exploit it which leads to exhaustion of agricultural land. On the other hand, long land using term will create an attached mindset for users along with boost investment on land cultivation, from that to bring about higher productivity and effective economics result.

Although some changes have been applied, agricultural land using term still concludes some disadvantages, specifically:

(i) Land Law Act, 2013 Art.37 written that the period of land use master plans is 10 years whereas agricultural land using term is fifty years which might cause a situation of an alteration in new land using plan when old land using one comes to end. Hence, land users will find difficulty in asking government for extending land usage when term is finished because their using of land is not appropriate to new stipulated land using plan (Tuyen Quang Nguyen, 2012);

(ii) the difference between agricultural land using term and residential land or land for business is the long-term stability which lead to a consequence that property rights of farmers will be less guaranteed and easily be taken back by The State (Nghia Duy Pham, 2015).

Moreover, is it necessary to maintain stipulation of agricultural land using term or not? As a matter of fact, this stipulation has not been implemented as following: the transference of agricultural land to individual, household to cultivate annual trees and aquaculture in response to Land Law Act, 1993 and Decree 64/CP (Decree 64/CP) instructing to implement Land Law Act, 1993, has a term of twenty years, however, when the term is about to end, Land Law Act has been edited to upgrade it to fifty years, which means lengthening for thirty years concerned with instability and disorder may happen in socio-economic life.

This lengthening is truly a situational solution when there is not enough determination to do away with agricultural land using term. In the future when thirty years lengthened end, similar concern will once again happen in more complex level as the value of agricultural is on the increase as well as fast growing speed of economic development (World Bank, 2017). Simultaneously, Land Law Act 1993 stipulate that when agricultural land using term has ended, if any of the users still have demand to use the land will be considered to grant of land use rights by government. Agricultural land users definitely always has a need to continue utilizing the land until the term ends because the advantages associated with property are their main livings that is not easily to give up. In the context of land embezzlement in Vietnam is taking place so popular and complicate (Khai Manh Pham, 2011), this may be the reason for negative behavior from competent authorities to harass people who want to keep using agricultural land.

Secondly, it's about quotas of accumulating and concentrating agricultural land.

It is one of the most complex issue and always at the topic of argument throughout establishing and developing process in Vietnam's Land Law Act (Trang Thu Ngo, 2017). In general, the objective of Vietnamese legislators is to enhance land accumulation in a logical way to serve wide scale of agricultural production at one side, another one is to prevent the negative way in land concentration which causes monopoly in land using, excessive labor exploitation and decrease in land using effectiveness.

On that basement, from Land Law Act, 1993 has brought about provision of agricultural land use quotas for individual, household following the guideline which controls maximum area of land for each groups to use in any forms (including transferred land). In Land Law Act 2003, the land using term's concept has changed into inbound land using area but minimizing of land granted by government or transferred from others. This provision seems to be more flexible and logical in comparison with controlling land using area in reality, specifically, an individual or a household who has an incentive for longer time using than that term, may move to the decision of renting and take higher financial obligation with government than using land in term. As a result, agricultural land users must be conscious in calculating, finding solution to make the most advantage of land exploitation, have higher productivity and lastly prevent accumulating and concentrating land.

The allocation quotas for agricultural land is prescribed in Land Law Act, 2013 as follows:

(i) Not exceeding 3 hectares for each type of land in provinces and centrally run cities in the southeast region and Mekong Delta region; Not exceeding 2 hectares for each type of land in other provinces and centrally run cities (including Hanoi, Hai Phong, Da Nang);

(ii) The allocation quotas for land for perennial crops for each household or individual in a delta commune, ward or township must not exceed 10 hectares and must not exceed 30 hectares for each household or individual in a midland or mountainous commune, ward or township;

(iii) The land allocation quota for each household or individual does not exceed 30 hectares for each of the following land categories: Land for protection forest, land for production forest.

On the other hand:

(i) In case a household or individual is allocated with land of different categories including land for cultivation of annual crops, land for aquaculture and land for salt production, the total quota for all categories must not exceed 5 hectares;

(ii) if the household or individual is additionally allocated with land for perennial crops, the land allocation quota for perennial crops must not exceed 5 hectares in a delta commune, ward or township and must not exceed 25 hectares in a midland and mountainous commune, ward or township;

(iii) if the household or individual is additionally allocated with land for production forest, the land allocation quota for production forest must not exceed 25 hectares.

Overall, the allocation quotas for agricultural land in Land Law Act, 2013 is just a result of legalization those provisions in Article 69, Decree 181/2004/NĐ-CP ([Decree 181/2004/NĐ-CP](#)) which has instructed Land Law Act, 2003. Instead of only giving the bare limitation of allocation quotas for land and relying on detailed provisions about land allocation quotas for each land types and areas in Decree prescribed at Article 70 Land Law Act, 2003, by government, Land Law Act 2013 has let National Assembly directly stipulate it. This is understandable because after ten years applying Land Law Act, 2003, it has been proven that allocation quotas for land in Decree 181/2004/NĐ-CP are suitable in reality. Hence, it must be toughly prescribed in law like a more effective legal guarantee for agricultural land allocation nowadays.

Land allocation quotas or quotas for receipt of transferred agricultural land use rights: Land Law Act, 2013 prescribes that the quota for acquisition of land use rights by households or individuals must not exceed 10 times of the allocation quota for agricultural land for households or individuals applicable to each type of land. This marks a breakthrough movement of Land Law Act, 2013 while permitting the quota for acquisition of land use rights not to surpass 10 times of the allocation quota for land. In comparison with Resolution N° 1126/2007/NQ-UBTVQH11 ([Resolution N° 1126/2007/NQ-UBTVQH11](#)) of National Assembly Standing Committee, the quota for acquisition of land use rights by households or individuals has grown up from three to five times (depending on land types and areas), which extends possibility as well as opportunities of land accumulation in order to raise up cultivation standard and economic effectiveness. In the past, Land Law Act, 2013, Art. 71 about the quota for acquisition of land use rights were prescribed by government submitting for National Assembly Standing Committee approval. However, it is now stipulated in Land Law Act, 2013 and National Assembly delegates to government for specifically giving provisions over each area and period with a view to ensuring the flexibility of land accumulation policy. Though, along with that firmly quota for acquisition of land use rights, only if Land Law Act, 2013 was modified so that the quota might be upgraded, or else it could only decrease or stay standstill. Consequently, the demand of exploiting agricultural land in large scale of many individuals, households has not been totally anticipated by Land Law Act, 2013. Actually, numerous individuals are able to effectively take advantage of hundred hectares of agricultural land. Provisions of quotas for receipt of transferred agricultural land use rights seriously need a more flexible change and add some exception allowing it to outrun the legal regulation. Another drawback is that Decree 43/2014/ND-CP, Art. 44 ([Decree 43/2014/ND-CP](#)) proposes such a maximization in the quota for acquisition of land use rights with Land Law Act, 2013 Art. 130.

Apart from the quota for acquisition of land for production forest use rights (forest in delta commune) which is five times over the allocation quota for land, the rest allocation quotas for land for annual crops, aquaculture and salt production are all ten times over the allocation quota for land in Land Law Act, 2013, Art. 129 prescribed by Decree 43/2014/ND-CP. This will loosen almost adjustment role into real estate market. In theory, it must be higher step by step. However, Decree No.43/2014/ND-CP has immediately boosted this quota to increase many times compared to the old one, which brings implicit threat of disordering the real estate market.

Unlike other countries, Vietnamese legal only recognizes land use rights of individual, household, organization in accordance with maintaining public land system under the name “ownership by the entire people” (Luan Thanh Nguyen, 2018). Land use right in Vietnam is assessed as “supposedly land definition in many countries has approved land property for individual. Land users can enjoy the whole advantage from using it and pay a small sum of obligational tax for The State (World Bank, 2013).

First of all, to be set up agricultural land use rights, The State must grant land use rights to individual, household and organization or land users have to be given legally transference from other subjects.

The way The State granting land use rights to individual, household and organization is a kind of implementing the representation of national land property rights in dividing land. Generally, this is a unilaterally power work from competent authorities so that it is quite hard to prevent some negation such as embezzlement and bribery. The awareness of that problem has let the legislators trying to diversify kinds of The State granting land use rights. Specifically, Land Law Act, 1987 only has the form “The State granting land use rights”, Land Law Act, 1993 has new form of “lending land”, then Land Law Act, 2003 and Land Law Act, 2013 has some more formats:

(i) The State granting land use rights without collect using fee is when it enforces official decision to give the land use right. This form presents the most unilaterally power The State in allocating land, which applies in these circumstances: Firstly, individual, household who directly cultivate agriculture, forestry, aquaculture, salt production in land quota being granted; secondly, residential community who use agricultural land; thirdly, people who use land for production forests and land for protection forests.

(ii) The State lending agricultural land use right (includes of collecting land using fee annually or gathering fee at once for the whole time renting) is the way it decides to grant land use rights by means of lending land use right contract. The mentioned form along with State’s unilaterally power also presents the equality inland allocation in Land Law Act, 1993. It can be applied with any subject who has demand for using agricultural land consisting all individual, household, economic organization, Vietnamese who live abroad, enterprises with foreign capital.

(iii) The state conceding agricultural land use rights is the way it grants land use rights for currently land users whose land does not have the origin of being granted or lent by conferring land use rights and other properties certificate attached with the first land. Basically, this form is an approval of The State to the agricultural land which individual, household and residential community has long been using without conflicts. On one side, it aims to unite the land administration throughout the country while the other side is about to recognize and ensure benefit for agricultural land users. Significantly, except for economic organization, Vietnamese who live abroad, enterprises with foreign capital, granting land use rights is applied to both household and individual.

Simultaneously, the granting land use rights method through public auction prescribed in Land Law Act, 2003 and more completed in Land Law Act, 2013 which is mostly applied in the way The State lending agricultural land use rights has partly prevented some mentioned negation as well as creates more equal opportunities for people to approaching agricultural land. The granting land use rights also have to be suitable with ratified land using plan based on landing using demand which proves in investment plan, granting and lending land application following procedure specifically stipulated in Decree 43/2014/ND-CP, Art. 68.

Confirmation in agricultural land use rights by means of receiving land use rights transference from other individual, household, organization through exchange transaction (swapping land), transference (land trade), inheritance, giving land use rights or contributing capital by land use rights. Naturally, those are civil transaction so that contains the free, voluntary and equal nature between parties in setting land use rights. However, transferring agricultural land use rights is constrained by its quota which has been presented above and it is not under all circumstances does any parties has agricultural land use rights allowance. Therefore, these following individual, household, organization are not allowed to transfer agricultural land use rights:

(i) Economic organizations may not acquire the rights to use paddy land, protection forest land or special-use forest land from households or individuals, except the case of change in land

use purpose in accordance with the land use master plan and plans approved by competent state agencies;

(ii) households and individuals not directly engaged in agricultural production may not receive the transfer or donation of paddy land use rights, households and individuals may not receive the transfer or donation of residential land use rights and agricultural land use rights with regard to the land located in the areas of protection forests, strictly protected zones and ecological rehabilitation zones in special-use forests if they do not live in such protection forests or special-use forests.

Besides, transferring of land use rights must follow procedure specifically stipulated in Decree 43/2014/ND-CP, Art. 79 to be confirmed of land use rights among individual, household and organization. Approval of establishing agricultural land use rights by transferring it is a huge movement in Vietnamese Land Law while former Land Law Act, 1987 prohibited all land transaction. This is as a result of innovation from subsidy period to socialist-oriented market economy.

Second of all is about rights and obligations of individual, household, organization. Individual, household, organization being granted land use rights or legally transferred land use rights are called agricultural land users and they have rights and obligation prescribed in Land Law Act, 2013 as follows:

General rights of agricultural land users are stipulated in Land Law Act, 2013, Art. 166 which consist of:

(i) to be granted the certificate of land use rights, houses and other land-related assets ownership is the way The State certified land use rights and other property attached to land of people who have the rights to use agricultural land through being granted or legally transferred;

(ii) to enjoy the results of the labor and investment on land;

(iv) to enjoy the benefits derived from facilities constructed by the State for protecting and improving agricultural land;

(iv) to receive the State's guidance and assistance in the improvement and fertilization of agricultural land;

(v) to be protected by the State against others' infringements of their lawful rights and benefits related to land;

(vi) to receive compensation when land is recovered by the State to serve in defence and security objective, socio-economic development for national advantage;

(vii) to complain about, denounce or file lawsuits over violations of their lawful land use rights and other violations of the land law.

General obligations for land users are stipulated in Land Law Act, 2013, Art.170 which consist of:

(i) to use the land for proper purposes, in accordance with the land parcel boundaries, in compliance with regulations on use of the depth beneath and the space above the parcel while protecting underground public facilities and in accordance with other relevant laws;

(ii) to declare and register land; to complete all related procedures upon exchange, transfer, lease, sublease, inheritance, donation of land use rights; mortgage or contribution of land use rights as capital in accordance with law;

(iii) to fulfill financial obligations in accordance with law;

(iv) to take measures to protect the land;

(v) to comply with regulations on environmental protection and not to cause damage to the lawful benefits of related land users;

(vi) to comply with the law on discovery of underground objects;

(vii) to return the land upon the State's decision on land recovery or at the expiry of the land use term without being permitted to extend the land use term.

Obligations of using agricultural land in right aim is considered to decrease the flexibility of land users in exploiting agricultural land potential. Especially, prohibition of changing land for rice cultivation into other objectives ([Land Law Act, 2013, Art.57](#)) which helps guarantee national food security is unnecessary in the context of dependence on application of science and technology in production. Simultaneously, Vietnam has a huge redundant food and eating habit has limited rice using and replaced by other kinds of food ([World Bank, 2012](#)). Hence, provision about changing

agricultural land using objective needs an adjustment to provide more flexibility for agricultural land users in maximizing agricultural land usage.

Besides above rights and obligations, agricultural land users have their own rights bases on the form The State granting land use rights and financial obligation which users must obey. One of the significant progresses in Land Law Act, 2013 is to create equality in rights and obligations of land users while allowing them to choose either paying at once for the whole time rent or annual payment depending on financial ability and corresponding with it are the rights they can implement.

As a whole, users of granted land by The State with confirmation of agricultural land use rights, users who are transferred land use rights or even ones who pay at once for the whole time rent have the right to exchange, transfer, lease, sublease, inherit, donate, mortgage land use rights and contribute land use rights as capital. Apart from Organizations to which the land is allocated by The State without land use levy or having paid but the origin of that money coming from State budget will not have those mentioned obligations as well as are not entitled to compensation upon land recovery by The State.

Agricultural land users whose land is allocated by The State with annual land payment have the difference is that they may not exchange, transfer, donate, lease land use rights; mortgage, contribute land use rights as capital but sell, inherit, lease, contribute capital with their own property attached to agricultural land.

Conditions for the exercise of the above rights are prescribed in Land Law Act, 2013, Art. 188:

- (i) Having the land use rights certificate;
- (ii) the land is dispute-free;
- (iii) the land use rights are not distrained to secure judgment enforcement;

(iv) within the land use term. Especially, the right to exchange agricultural land is applied for individual, household in the same town, district in order not only to make agricultural production better but also implement "gathering land to take field" which surmounts small agricultural land division – a noticeable hurdle for agricultural production in large scale of Vietnam nowadays (Markussen, 2012).

Comparison of agricultural land use rights in Land Law Act, 2013; Land Law Act, 1987; Land Law Act, 1993; Land Law Act, 2003 has affirmed that user's rights are becoming broader. Specially, law permits and makes more opportunities for transaction relating to agricultural land with simplified procedure (Tuyen Quang Nguyen, 2006). Specifically, Land Law Act, 1987; prohibits all land transaction in general and agricultural land transaction in particular; Land Law Act, 1993 allows agricultural land users to operate five transactions: exchange, transfer, lend, inherit, mortgage; Land Law Act, 2003 and Land Law Act, 2013 continue to apply those five transactions of Land Law Act, 1993 and add new rights as following: lease, sublease, donate, mortgage land use rights and contribute land use rights as capital.

By and large, agricultural land users rights stipulated in Land Law Act, 2013 are sufficient and suitable in exploitation demand, utilization of land in market economy. However, the provision of the right to exchange, transfer, lease, sublease, inherit, donate, mortgage land use rights and contribute land use rights as capital in enumerating way which is only limited in those rights scope, seems to be unreasonable in dynamic market economy. On the other hand, agricultural land rights are mostly restricted by provisions of land using term, quotas of accumulating and concentrating agricultural land, establishment of agricultural land use rights. Hence, with a view to broadening rights of agricultural land users, Land Law Act, 2013 needs to be edited following these directions:

Firstly, raising up agricultural land use rights (may reach to 99 years) or deleting provisions of agricultural land use rights. Besides, we also need to focus on building long-term plan in order to ensure stability of agricultural land users.

Secondly, broadening quota of accumulating agricultural land step by step which following the form of an increase in acquiring land use rights quota.

Thirdly, implementing rights to agricultural land of agricultural land users must be more flexible without being completely limited in land using objective which has been prescribed in law.

Fourthly, extending transference of agricultural land use rights in individual, household, organization and takes it as basement for setting up land use rights which aims to create an explicit and dynamic agricultural land market.

Fifthly, widening more land use rights of users. Therefore, it's advisable not to continue the provision of the right to exchange, transfer, lease, sublease, inherit, donate, mortgage land use rights and contribute land use rights as capital in enumerating way. Land users should be able to carry out all transactions in Civil Code prescribing to property. This will guarantee unification of law in adjusting property relationship as well as fix the situation of some land transactions happened in reality but Land Law Act has not prescribed such as borrowing, mortgaging agricultural land use rights (Sua Van Le, 2017).

4. Results

All things considered, this article has gained some research results as follows: cites out the difference in defining land types, specifically agricultural land; clearly explains land using term, quotas of accumulating and concentrating agricultural land; analyzes basements for setting up agricultural land use rights; rights and obligations of users in currently Land Law Act of Vietnam and gives out 5 suggestions to change Land Law Act, 2013 with a view to broadening rights of users, from which boosts the agricultural development in the future.

5. Conclusion

Legal system to agricultural land in Vietnam nowadays is relatively complicate which contains many contents and scatters in different law documents. On the whole, it is quite completed by inheriting the rationality from former Land Law Act and has been editing and adding new provisions in which broaden land users rights, thus becomes suitable with exploitation, utilization demand of Vietnam's market economy. However, under the effects of socio-economic development, legal system to agricultural land need to change about land using term, quotas of accumulating and concentrating agricultural land, broaden land users rights so as it can be possible to impulse the development of Vietnamese agriculture in the future.

References

- [Land Law Act, 1987](http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=2568) – Land Law Act, 1987. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=2568
- [Land Law Act, 1993](http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=10810) – Land Law Act, 1993. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=10810
- [Land Law Act, 2003](http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=19439) – Land Law Act, 2003. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=19439
- [Land Law Act, 2013](http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=28824) – Land Law Act, 2013. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=28824
- [Investment Law Act, 2014](http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=30315) – Investment Law Act, 2014. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=30315
- [Decree 43/2014/NĐ-CP](http://www.moj.gov.vn/vbpq/Pages/View_Properties.aspx?ItemID=28987) – Decree 43/2014/NĐ-CP of The State in detailed provisioning implementation of some articles in Land Law Act, 2013. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/Pages/View_Properties.aspx?ItemID=28987
- [Decree 118/2015/NĐ-CP](http://vanban.chinhphu.vn/portal/page/portal/chinhphu/hethongvanban?class_id=1&page=1&mode=detail&document_id=182195) – Decree 118/2015/NĐ-CP of 12.11.2015 of The State in detailed provisioning and guiding implementation of Law on investment, 2014. [Electronic resource]. URL http://vanban.chinhphu.vn/portal/page/portal/chinhphu/hethongvanban?class_id=1&page=1&mode=detail&document_id=182195.
- [Decree 181/2004/NĐ-CP](http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=18562) – Decree 181/2004/NĐ-CP which instructed Land Law Act, 2003. [Electronic resource]. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=18562
- [Resolution N° 1126/2007/NQ-UBTVQH11](http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=14060) – Resolution N° 1126/2007/NQ-UBTVQH11 of National Assembly Standing Committee, Socialist Republic of Vietnam posted on the website of the Ministry of Justice. URL: http://www.moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=14060
- [FAO, 2013](#) – FAOSTAT Glossary Archived May 27, (2013). at the Wayback Machine: "Agricultural area".

Jina Architects, 2015 – *Jina Architects*, (2015). [Về nguy cơ biến đổi khí hậu ở Việt Nam. Tạp chí Kiến trúc, Số 09/2015, tr. 19]. About danger of climate change in Vietnam. *Architectural journal*, No 09/2015, p. 19.

Le Van Sua, 2017 – *Lê Văn Sua* (2017). [Một số quy định của Luật Đất đai năm 2013 – kiến nghị hoàn thiện. [Electronic resource]. URL: <http://tcdcepl.moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/xay-dung-phap-luat.aspx?ItemID=385>, ngày 17/02/2017

Luan Thanh Nguyen, 2018 – *Luan Thanh Nguyen, Ngoc Thi Ha* (2018). The legal Nature of Land Use Rights in Vietnam. *Russian journal of Comparative Law*, 5(1), 41–49.

Markussen, 2012 – *Thomas Markussen, Finn Tarp, Đỗ Huy Thiệp, Nguyễn Đỗ Anh Tuấn* (2012). [Tóm tắt chính sách 06 năm 2012: Phân mảnh đất đai của hộ và giữa các hộ nông nghiệp ở Việt Nam. đăng tải trên trang web của Viện nghiên cứu quản lý kinh tế trung ương (CIEM). [Electronic resource]. URL: www.ciem.org.vn]

Nguyen Quang Tuyen, 2006 – *Nguyễn Quang Tuyền* (2006). [Hệ thống pháp luật đất đai Việt Nam trong 20 năm đổi mới. Tạp chí Nghiên cứu lập pháp, số 87/2006]. Legal system of Vietnamese land in 20 years innovation. *Legislation Research journal*. No 87.

Nguyen Quang Tuyen, 2012 – *Nguyễn Quang Tuyền, Nguyễn Ngọc Minh* (2012). [Hoàn thiện quy định của Luật Đất đai năm 2003 về thời hạn sử dụng đất nông nghiệp. Tạp chí Luật học số tháng 9/2012]. Completion of provisions in Land Law Act, 2013 about agricultural land use rights term. *Legal journal*, No 9.

Ngô Thu Trang, 2017 – *Ngô Thu Trang, Bùi Anh Vũ* (2017). [Tích tụ, tập trung đất đai ở Việt Nam trong bối cảnh hiện nay. đăng tải tại địa chỉ: [Electronic resource]. URL: <http://moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/nguyen-cuu-trao-doi.aspx?ItemID=2260>, ngày 11/12/2017]. Accumulation, concentration of land in Vietnam in currently context. URL: <http://moj.gov.vn/qt/tintuc/Pages/nguyen-cuu-trao-doi.aspx?ItemID=2260>

Phạm Duy Nghĩa, 2015 – *Phạm Duy Nghĩa* (2015). [Giáo trình Luật Kinh tế. Nxb. Công an nhân dân, Hà Nội, 2015, tr.119-120]. Economic Law course, public security, Hanoi, pp. 119-120.

Phạm Mạnh Khai, 2011 – *Phạm Mạnh Khai* (2011) [Tham nhũng trong quản lý và sử dụng đất đai hiện nay. Tạp chí Thanh tra, số 01/2011, tr.16]. Embezzlement in administration and using land nowadays. *Inspection journal*, No 01/2011.

Thuy Thi Thu Pham, 2014 – *Phạm Thị Thu Thủy* (2014). [Pháp luật về bồi thường khi Nhà nước thu hồi đất nông nghiệp ở Việt Nam. Luận án tiến sĩ luật học, tr.24]. Law of compensation when The State shall decide to recover land. legal PhD thesis, P. 24.

World Bank, 2013 – World Bank, 2013 Cải thiện quản trị đất đai tại Việt Nam [Dự thảo báo cáo]. Hà Nội, 12/2013, tr.37. Improvement of land administration in Vietnam. (Report draft), Hanoi, 12/2013, P 37.

World Bank, 2012 – World Bank, 2012 [Sửa đổi Luật Đất đai để thúc đẩy sự phát triển bền vững ở Việt Nam. Bản tóm tắt các khuyến nghị chính sách ưu tiên rút ra từ các nghiên cứu của Ngân hàng thế giới, Hà Nội, 09/2012, tr.09]. Land Law Act alteration to impulse firmly development of Vietnam. Summary of recommendation in priority policy inferred from World Bank researches, Hanoi, 09/2012, P. 9.

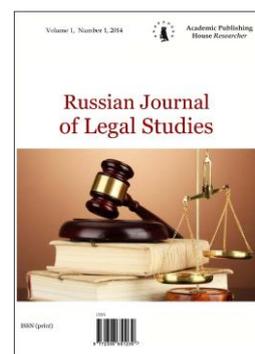
World Bank, 2017 – World Bank (2017). General about Vietnam. URL: <http://www.worldbank.org/vi/country/vietnam/overview>

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 49-57

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.49
www.ejournal25.com

Computer Crimes as a Part of Information Crime in Russia: Problems of Counteraction

Victor V. Vorobyov ^{a, *}

^a Syktyvkar State University, Russian Federation

Abstract

Crime in the sphere of computer information tends to steady growth and mentions the major fields of activity not only the certain states, but also the world community in general. In this regard, exclusively relevant is an improvement of the legislation on counteraction to these criminal encroachments.

By the analysis, logical and comparative and legal methods of knowledge it was revealed that the Russian criminal legislation in the sphere of fight against computer crimes has a number of essential shortcomings to which it is possible to carry: lack of legal interpretation of many terms which are contained in articles 159.3, 159.6, 187, 272, 273, 274 Criminal Code of the Russian Federation; shortcomings of designs of these articles; inconsistency of the Russian criminal legislation with the international legal acts and also shortcomings of the international cooperation in counteraction of computer crime.

The data of judicial statistics on convicts provided by the author in Russia for commission of computer crimes from 2003 for 2017 I support conclusions about existence of problems in this area of law-enforcement activity.

Synthesis, generalization and analogy as knowledge methods, allowed to give author's definition to such concepts as: "illegal access to computer information"; "malicious computer application". For the purpose of improvement of the criminal legislation of Russia, offers on introduction of additions in article 272-273 of the Criminal Code of the Russian Federation are made and also new Art. 274.1 of UKRF is subject to the critical analysis.

Keywords: computer crimes, illegal access to computer information, the malicious computer application, service regulations of means of storage, processing or transfer of computer information, fraud in the sphere of computer information, crime counteraction.

1. Введение

Развитие информационных технологий породило такое криминальное явление как компьютерная преступность. Эти преступления затрагивают практически все сферы жизни человека, где присутствуют информационные технологии. Появление новых видов преступлений неразрывно связано с естественным прогрессом в этой области, что, естественно, требует постоянного совершенствования не только технических и программных средств противодействия, но и законодательного регулирования в сфере борьбы с компьютерными преступлениями.

* Corresponding author
E-mail addresses: vorobvv@gmail.com (V.V. Vorobyov)

2. Материалы и методы

К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение и аналогия.

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как В.В. Крылов, А.Л. Осипенко, Е.И. Панфилова, А.С. Попов, А.В. Сизов, В.П. Числин. Подвергнуты детальному анализу статьи Уголовного кодекса РФ, международные соглашения по вопросам борьбы с компьютерной преступностью, материалы судебной практики и судебной статистики в части привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

3. Обсуждение

В уголовном законодательстве РФ предусмотрена ответственность за такие виды компьютерных преступлений как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 273 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Кроме этого в УК РФ имеются такие составы преступления, как мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187). Эти составы в России принято относить к преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Несмотря на предпринимаемые законодателем и правоприменителем меры, в 2017 году число преступлений в России в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 65 949 до 90 587. Их доля от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составляет 4,4 % – это почти каждое 20 преступление. Самыми распространенными киберпреступлениями являются неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (статья 273 УК РФ). Если в 2017 году зарегистрировано 1 883 таких преступлений (+7,7 %), то за первое полугодие 2018 года – 1 233 (+3,4 %). Наибольшее их количество выявлялось в 2017 году в Удмуртской Республике (194), Коми (132), Омской (75), Владимирской (66), Кировской (64), Волгоградской областях (60), Москве (60), Краснодарском крае (51) (Коми, 2018).

Данные судебной статистики в Российской Федерации свидетельствуют о том, что число лиц, осужденных за преступления в сфере компьютерной информации до 2010 года увеличивалось, а начиная с 2011 года стало уменьшаться. Так в 2003 году за преступления, предусмотренные статьями 272-274 УК РФ число осужденных составило 152 человека, в 2004 – 137, в 2005 – 203, в 2006 – 191, в 2007 – 241, в 2008 – 257, в 2009 – 347, в 2010 – 321, в 2011 – 258, в 2012 – 280, в 2013 – 268, в 2014 – 218, в 2015 – 235, в 2016 – 185 и в 2017 году – 202 человека ([Data of judicial statistics](#)).

Такое малое количество осужденных по ст. 272-274 УК можно объяснить тем, что согласно статистике правоохранительных органов России в более чем 50 % возбужденных уголовных дел отсутствуют подозреваемые. А при расследовании мошенничеств в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК), лишь в 1 % возбужденных уголовных дел есть подозреваемые.

По сравнению с 2016 годом в 2017 году на 19,6 % уменьшилось количество расследованных преступлений по указанным статьям (с 903 до 726), при этом выросло на 30,5 % (с 790 до 1031) число нераскрытых преступлений. Раскрываемость данных преступлений составила 41,3 %.

Судебная статистика, также свидетельствует о том, что Российское правосудие относится к компьютерным преступникам достаточно лояльно. Так, только в 2015 году к реальному лишению свободы были осуждены лишь 5 человек, из них до 1-го года осуждено 4 человека, а до 2-х лет – 1 человек. Условно к лишению свободы были осуждены 42 человека. К ограничению свободы – 43, исправительным работам – 5 и к штрафу осуждены 12 человек. А по амнистии от наказания за совершение компьютерных преступлений в 2015 году было освобождено 122 осужденных.

Кроме этого следует отметить и то, что даже когда лица привлечены к уголовной ответственности и им назначено, как видно, достаточно мягкое наказание, вопрос возмещения причиненного преступлением материального вреда остаётся актуальным. В среднем по данным преступлениям потерпевшим возмещается только 10-20 % материального вреда. Это, от части, вызвано как пробелами в законодательстве, так и недоработками правоохранительных органов, для которых первоочередной задачей является раскрытие преступления, а соблюдение материальных прав потерпевшего вторично, а порой совсем не важно.

В законодательстве России вопросы уголовного преследования и вопросы материального возмещения причиненного ущерба, в целом, разделены. Суд рассматривает вопросы причастности и виновности лица, вид и размер наказания. Несмотря на то, что уголовно-процессуальным законодательством РФ в целях защиты и восстановления материальных прав потерпевшего предусмотрена процедура рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе (ст. 44 УПК РФ), судьи по уголовным делам, не желая рассматривать гражданские иски, направляют потерпевших в гражданский суд, у которого другое процессуальное законодательство, сроки, порядок обжалования, затраты на юридическую помощь и т.п.

Таким образом, для лиц, склонных и/или способных к совершению компьютерных преступлений создается ситуация практически безнаказанности за совершаемые преступные деяния. Тот, кто был привлечены к такой мягкой ответственности, вряд ли исправится. Он лишь будет более изощренным и осторожным при совершении преступлений в будущем.

Анализ отдельных составов хотелось бы начать со статьи 272 УК РФ.

Обязательными признаками этого преступления являются:

- 1) деяние, которое состоит в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации;
- 2) последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации;
- 3) причинно-следственная связи между совершенным деянием и наступившими последствиями.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков исключает уголовную ответственность за оконченное преступление, либо свидетельствует, о том, что было покушение или приготовление к этому преступлению.

Понятие «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации» в законодательстве, науке и в практике трактуется по-разному, что, конечно же, нельзя оставлять без внимания и необходимо попытаться сформулировать унифицированное определение этого понятия.

Приведем примеры различного толкования термина «доступ к информации» в некоторых нормативных актах РФ:

1. Так, согласно п. 6 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доступ к информации – это возможность получения информации и ее использования;

2. Закон РФ «О государственной тайне» (ст. 2) доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, трактует как санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну;

3. Федеральный закон «О коммерческой тайне» (п. 5 ст. 3) доступ к информации, составляющей коммерческую тайну определяет как ознакомление определенных лиц с информацией, составляющей коммерческую тайну, с согласия ее обладателя или на ином законном основании при условии сохранения конфиденциальности этой информации;

4. В Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г. неправомерный доступ сформулирован как несанкционированное обращение к компьютерной информации ([Cooperation agreement, 2001](#)).

В Российской науке, также наблюдается разность подходов к определению этого термина. Однако, весь спектр точек зрения Российских ученых-правоведов можно свести

к двум принципиальным позициям: первая заключается в том, что под доступом следует понимать получение возможности манипулировать информацией (копировать, модифицировать, уничтожать и т.п.) (Панфилова, Попов, 1998: 28); вторая – под доступом следует понимать не только получение возможности манипулировать информацией, но и простое ознакомление с ней без всякого воздействия (Числин, 2004: 13-14; Крылов, 1998: 28; Сизов, 2009: 32-35).

С учетом представленных точек зрения и положений нормативных актов, под неправомерным доступом к компьютерной информации предлагается понимать несанкционированное обращение к компьютерной информации, дающее возможность получить или ознакомиться с информацией, использовать эту информацию, воздействовать на неё. Однако принятие данного определения за основу требует внесения изменений в диспозицию ст. 272 УК. Здесь следует согласиться с А.Л. Осипенко и к числу альтернативных последствий добавить «получение и/или ознакомление с информацией» (Осипенко, 2007: 43-47).

Защищенность информации программными или техническими средствами не является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, иначе это неоправданно сузило бы действие этой статьи. Достаточно и того, что информация защищена законом.

Оконченным преступление будет считаться только при наступлении, указанных в ст. 272 УК последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования охраняемой законом компьютерной информации.

В составе ст. 273 УК РФ законодатель установил ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Вредоносная программа является ключевым понятием, содержащимся в диспозиции ст. 273 УК РФ. Этот термин имеет как доктринальное, так и нормативное толкование.

Представляется, что вредоносность программы заключается не только и не столько в способности уничтожать, блокировать, модифицировать или копировать информацию (это рабочие функции многих программ), а в том, что они выполняют эти функции помимо воли, согласия (санкции) собственника или другого законного владельца информации (Воробьев, 2015а: 54-58).

В российском уголовном праве наблюдается некоторая разница во мнениях по определению понятия «вредоносная программа», однако, принципиально отличающихся точек зрения не встречается. Аналогичная ситуация складывается и в нормативно-правовом толковании этого термина.

В Соглашении о сотрудничестве государств - участников в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации указано, что вредоносная программа – это созданная или существующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Дискуссионным остается один вопрос – с какого момента считать создание вредоносной программы окончательным преступлением? Когда программа находится в электронном виде и способна осуществлять вредоносные функции, или же можно признавать вредоносной программой и текст программы, представленный в любой материальной форме, в том числе в виде записи на бумажном носителе?

В ст. 1261 ГК РФ установлено, что программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Таким образом, возникает ситуация, при которой норма ГК РФ не соответствует положениям уголовного законодательства РФ. Противоречие состоит в том, что в уголовном праве есть такие понятия, как приготовление к преступлению и покушение на преступление (ст. 30 УК РФ). Учитывая содержание этих понятий, создание исходных подготовительных

материалов в ходе разработки программы следует квалифицировать как покушением на преступление (покушение на создание вредоносной программы). В связи с этим, подготовительные материалы, полученные в ходе разработки компьютерной программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения в контексте данного преступления не могут признаваться компьютерной программой.

Следует пояснить, что положения ст. 1261 ГК не оспариваются, поскольку эта норма регулирует вопросы защиты авторских прав на компьютерные программы, в связи с чем такое определение компьютерной программы вполне оправданно. Вместе с тем, применение его по аналогии в этом случае было бы не верным.

Вышеизложенное приводит к выводу о необходимости закрепления в примечании к ст. 273 УК РФ определения такого понятия как «вредоносная компьютерная программа». Так, под вредоносной компьютерной программой предлагается понимать компьютерную программу, заведомо предназначенную для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, ознакомления с ней или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Следует отметить, что распространение исходных текстов вредоносных компьютерных программ, несомненно, имеет общественную опасность и по этому, наряду с распространением вредоносных программ, статья должна быть дополнена распространением исходных текстов вредоносных программ.

Нами ранее отмечалось, что вредоносная программа не является предметом преступления, так как именно она оказывает на него вредоносное воздействие. В связи с этим представляется, что вредоносная компьютерная программа не является факультативным признаком объекта преступления состава ст. 273 УК РФ, а выступает в качестве продукта преступной деятельности, который следует относить к объективной стороне состава преступления (Воробьев, 2015b: 92-100).

По своей конструкции состав является формальным и преступление признается оконченным в момент создания, распространения или использования вредоносной компьютерной программы независимо от момента наступления последствий.

В УК РФ отсутствует ответственность за приобретение и/или хранение вредоносных программ с целью их использования и/или распространения. В связи с чем, представляется необходимым, наряду с имеющимся перечнем деяний, дополнить данную статью такими действиями, как приобретение и/или хранение вредоносной компьютерной программы или ее исходных текстов с целью окончательного создания, использования и/или распространения этой программы.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что подавляющее большинство раскрытых преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ были совершены не профессиональными хакерами или программистами, а обычными пользователями компьютеров. Наиболее типичными преступлениями этого вида являются: копирование и использование вредоносных программ, блокирующих работу веб-ресурсов или отдельных компьютеров, принадлежащих гражданам; копирование и использование вредоносных программ, перехватывающих трафик и собирающих такие данные как логины и пароли; копирование, использование и распространение вредоносных программ, предназначенных для активации контрафактных программных продуктов, путем нейтрализации средств их защиты.

Намного реже привлекаются лица, обладающие навыками программирования и самостоятельно создающие вредоносные компьютерные программы.

Чаще всего эти преступления совершаются из хулиганских или корыстных побуждений, и, как правило, квалифицируются по совокупности со ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских и смежных прав), реже со ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации).

Статьей 274 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, если это причинило кому либо крупный ущерб.

Нарушение правил эксплуатации может выражаться как в полном игнорировании, так и в ненадлежащем соблюдении правил. Нарушение может быть выражено в форме действия или бездействия (совершение запрещенных действий или невыполнение виновным действий, предписанных правилами). Термины «нарушение» и «несоблюдение» правил, в контексте данной статьи, следует рассматриваться как равнозначные (синонимы).

Основной проблемой применения данной нормы является отсутствие какой-либо официальной системы правил и инструкций в компьютерной сфере и по этому на протяжении последних 20 лет действия Уголовного кодекса РФ эта норма практически не применялась.

Серьезным шагом на пути борьбы с компьютерными преступлениями явилось принятие Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В связи с принятием этого закона в УК РФ была введена новая статья 274.1 (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации). Данная статья предусматривает ответственность:

- за создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ч. 1 ст. 274.1);

- за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (ч. 2 ст. 274.1);

- за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (ч. 3 ст. 274.1).

Максимальное наказание за эти преступления составляет до 6 лет лишения свободы, а при наступлении тяжких последствий – до 10 лет лишения свободы.

Представляется, что российский законодатель мог бы обойтись внесением соответствующих дополнений в статьи 272-274 УК РФ, так как новая статья 274.1 УК РФ практически их дублирует с одним лишь дополнением «информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». Достаточным было бы закрепить этот признак в качестве квалифицирующих обстоятельств в статьях 272-273 УК РФ.

Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определены субъекты критической информационной инфраструктуры. В их числе: государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей (п. 8 ст. 2).

В связи с участвовавшими случаями компьютерных атак на государственные учреждения, крупные корпорации и банки, необходимость принятия этих изменений в законодательстве России давно назрела, а об их эффективности можно будет судить лишь через время.

Участие России в международно-правовом механизме борьбы с киберпреступностью, к сожалению, носит региональный, а не глобальный характер. Россия активно участвует в формировании международного законодательства в рамках СНГ, однако не участвует в единственном на сегодняшний день Европейском международном соглашении о противодействии киберугрозам - Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), заключенной в г. Будапеште в 2001 году ([Convention, 2001](#)).

Этому, конечно, есть объяснения. Первое - Конвенция не решает вопросов юрисдикции расследования трансграничных киберпреступлений того или иного государства, ограничиваясь общими положениями. По-прежнему не урегулированы уголовно-процессуальные вопросы. Этому способствует и то, что до настоящего времени идут дискуссии о критериях определения места совершения компьютерных преступлений, когда затронуты несколько государств. Второе - Конвенция содержит нормы, противоречащие, по мнению России, её интересам. Так Конвенция, позволяет правоохранительным органам, с добровольного согласия лица, имеющего полномочия раскрыть информацию, получать доступ к компьютерным данным, находящимся на территории другого государства, без согласования с компетентными властями государства, что ограничивает действие принципа национального суверенитета при расследовании преступлений.

4. Результаты

Таким образом, в свете постоянно растущего уровня киберугроз, который наблюдается в последние годы, низкого уровня борьбы с компьютерными преступлениями в Российской Федерации возникла острая необходимость дальнейшего совершенствования национального законодательства, а также скорейшего разрешения имеющихся противоречий в международных отношениях по вопросам борьбы с компьютерными преступлениями.

5. Заключение

В России необходимо продолжать совершенствовать уголовное законодательство в сфере борьбы с компьютерными преступлениями.

России нельзя ограничиваться международным сотрудничеством только в рамках СНГ. Необходимо, пусть и с оговорками, входить в Конвенцию Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации.

Литература

Воробьев, 2015a – Воробьев В.В. О содержании объективной стороны состава статьи 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) // *Управленческие аспекты развития северных территорий России: Всероссийская научная конференция (20-23 октября 2015 г., Сыктывкар) в 4 ч.* Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ. Ч. 1, 2015.

Воробьев, 2015b – Воробьев В.В. Вредоносные компьютерные программы в уголовном законодательстве Российской Федерации // *Путеводитель предпринимателя. Научно-практическое издание: Сборник научных трудов. Вып. XXVI* / под научной ред. Л.А. Булочниковой. М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование», 2015.

Панфилова, Попов, 1998 – Панфилова Е.И., Попов А.С. Компьютерные преступления: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / под ред. Б.В. Волженкина. СПб.: СПб. юрид. ин-т Ген. Прокуратуры, 1998.

Коми, 2018 – Коми вошла в топ-5 регионов по количеству киберпреступлений, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/82355>

Крылов, 1998 – Крылов В.В. Криминалистические проблемы оценки преступлений в сфере компьютерной информации // *Уголовное право*, 1998. № 3.

Осипенко, 2007 – Осипенко А. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к конфиденциальной компьютерной информации // *Уголовное право*, 2007. № 3.

Сизов, 2009 – Сизов А.В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: практика правоприменения // *Информационное право*, 2009. № 1.

Числин, 2004 – Числин В.П. Уголовно-правовые меры защиты информации от неправомерного доступа. Автореф. ... канд. юр. н. М.: Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2004.

Data of judicial statistics – Data of judicial statistics [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access 20.08.2017). [in Russian]

The cooperation agreement – The cooperation agreement of the State Parties of the Commonwealth of Independent States in fight against crimes in the sphere of computer information (2001). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> [in Russian]

Convention, 2001 – Convention of the Council of Europe on crime in the sphere of computer information (2001) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185>

References

Vorob'ev, 2015a – Vorob'ev, V.V. (2015). O sodержanii ob"ektivnoi storony sostava stat'i 273 UK RF (sozdanie, ispol'zovanie i rasprostranenie vredonosnykh komp'yuternykh programm) [Maintenance of the objective side of structure of article 273 Criminal Code of the Russian Federation (creation, use and distribution of malicious computer applications)]. *Upravlencheskie aspekty razvitiya severnykh territorii Rossii: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya (20-23 oktyabrya 2015 g., Syktyvkar) v 4 ch.* Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU. Ch. 1.

Vorob'ev, 2015b – Vorob'ev, V.V. (2015). Vredonosnye komp'yuternye programmy v ugovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [Malicious computer applications in the criminal legislation of the Russian Federation]. Putevoditel' predprinimatel'ya. Nauchno-prakticheskoe izdanie: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. XXVI. Pod nauchnoi red. L.A. Bulochnikovoi. M.: Rossiiskaya akademiya predprinimatel'stva; Agentstvo pechati «Nauka i obrazovanie».

Panfilova, Popov, 1998 – Panfilova, E.I., Popov, A.S. (1998). Komp'yuternye prestupleniya: Seriya «Sovremennye standarty v ugovnom prave i ugovnom protsesse» [Computer crimes: «The Modern Standards in Criminal Law and Criminal Trial»]. Pod red. B.V. Volzhenkina. SPb.: SPb. yurid. in-t Gen. Prokuratury.

Komi, 2018 – Komi voshla v top-5 regionov po kolichestvu kiberprestuplenii [Komi has entered in top-5 regions by the number of cybercrimes], 2018. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/82355>

Krylov, 1998 – Krylov, V.V. (1998). Kriminalisticheskie problemy otsenki prestuplenii v sfere komp'yuternoi informatsii [Criminalistic problems of assessment of crimes in the sphere of computer information]. *Ugolovnoe pravo*, № 3.

Osipenko, 2007 – Osipenko, A. (2007). Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyi dostup k konfidentsial'noi komp'yuternoi informatsii [Criminal liability for illegal access to confidential computer information]. *Ugolovnoe pravo*, № 3.

Sizov, 2009 – Sizov, A.V. (2009). Nepravomernyi dostup k komp'yuternoi informatsii: praktika pravoprimeneniya [Illegal access to computer information: practice of law enforcement]. *Informatsionnoe pravo*, № 1.

Chislin, 2004 – Chislin, V.P. (2004). Ugolovno-pravovye mery zashchity informatsii ot nepravomernogo dostupa [Criminal and legal measures of protection of information from illegal access]. Avtoref. ... kand. yur. n. M.: Instituta mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A.S. Griboedova.

Data of judicial statistics – Data of judicial statistics [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access 20.08.2017). [in Russian]

The cooperation agreement – The cooperation agreement of the State Parties of the Commonwealth of Independent States in fight against crimes in the sphere of computer information (2001). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> [in Russian]

Convention, 2001 – Convention of the Council of Europe on crime in the sphere of computer information (2001) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185>

Компьютерные преступления как часть информационной преступности в России: проблемы противодействия

Виктор Викторович Воробьев ^{a, *}

^a Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Российская Федерация

Аннотация. Преступность в сфере компьютерной информации имеет тенденцию к устойчивому росту и затрагивает важнейшие сферы деятельности не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом. В связи с этим, исключительно актуальным становится совершенствование законодательства о противодействии этим преступным посягательствам.

Путем анализа, логического и сравнительно-правового методов познания было выявлено, что российское уголовное законодательство в сфере борьбы с компьютерными преступлениями имеет ряд существенных недостатков, к которым можно отнести: отсутствие легального толкования многих терминов, содержащихся в статьях 159.3, 159.6, 187, 272, 273, 274 УК РФ; недостатки в конструкциях этих статей; несогласованность российского уголовного законодательства с международными правовыми актами, а также недостатки международного сотрудничества в области противодействия компьютерной преступности.

Приведенные автором данные судебной статистики по осужденным в России за совершение компьютерных преступлений за период с 2003 по 2017 годы подкрепляют выводы о наличии проблем в этой области правоохранительной деятельности.

Синтез, обобщение и аналогия, как методы познания, позволили дать авторское определение таким понятиям как: «неправомерный доступ к компьютерной информации»; «вредоносная компьютерная программа». С целью совершенствования уголовного законодательства России, сделаны предложения по внесению дополнений в статьи 272-273 УК РФ, а также подвержена критическому анализу новая ст. 274.1 УК РФ.

Ключевые слова: компьютерные преступления, неправомерный доступ к компьютерной информации, вредоносная компьютерная программа, правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, мошенничество в сфере компьютерной информации, противодействие преступности.

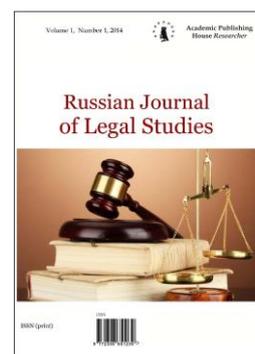
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: vorobvv@gmail.com (В.В. Воробьев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2018, 5(1): 58-61

DOI: 10.13187/rjls.2018.1.58
www.ejournal25.com

Reviews

Review: Tymofeyeva A. Non-Governmental Organisations under the European Convention on Human Rights: Exceptional Legal Standing. Monografie. RWW Science and New Media Passau-Berlin-Prague, 2015 338 p. ISBN 978-3-9816855-9-6

Alexei A. Moiseev ^{a, *}

^a Russian Association of International Law, Russian Federation

Abstract

The author elaborates on the legal standing of non-governmental organisations (NGOs) under the European Convention on Human Rights. This book's objective is to prove that the position that the NGOs hold in the proceedings before the European Court of Human Rights is unique. This exceptional status has no comparisons in any other international treaty all over the world. Special attention is paid to the non-governmental organisations acting in the capacity of an applicant. The research shows that not all of the rights set forth in the European Convention are applicable to them. Nonetheless, in respect of those rights bestowed upon NGOs, they have been able to attain significant amounts of just satisfaction arriving at millions and even billions of euro.

Keywords: European Convention on Human Rights, European Court of Human Rights, non-governmental organisations, applicant, legal standing; just satisfaction.

Монография А. Тимофеевой «Неправительственные организации в рамках Европейской конвенции по правам человека: исключительное правовое положение» (Tymofeyeva A., 2015) посвящена актуальному в настоящее время вопросу. Как видим, автор продолжает работу, начатую ранее (Tymofeyeva, Šturma, Bílková, Jančárková, 2014, Tymofeyeva, 2013: 83-92; Tymofeyeva, Blstakova, 2013: 113-133). Анализу подвергаются практика ЕСПЧ в свете Европейской конвенции по правам человека.

Автор проанализировала свыше пятисот решений ЕСПЧ. Судя по монографии, автор работал непосредственно с документами в библиотеке ЕСПЧ и в библиотеке Кембриджского университета (Великобритания). Использовано более ста книг и статей на английском, французском и чешском языках. Проанализированы десятки международных договоров, как на уровне ООН, так и на региональном уровне.

В начале первой главы рассматривается вопрос толкования понятия «неправительственная организация» в науке (Mayer, 2011; Lindblom, 2005; Tomuschat, 2008; Willetts, 2002), в документах о правах человека универсального характера и в документах региональных организаций.

В конце каждого подраздела каждой главы прилагается сводный анализ определений «неправительственных организаций», содержащихся в международных документах и

* Corresponding author

E-mail addresses: moiseevlaw@gmail.com (A.A. Moiseev)

доктрине. Подчеркивается, что НПО – это объединение, независимое от органов государственной власти. НПО представляют собой некоммерческие организации, целью которых не является получение прибыли.

Автор анализирует определение НПО, данное в самой Конвенции (ст. 34). Как известно, НПО должна быть официально зарегистрирована в государстве, где она осуществляют свою деятельность. Кроме того, НПО предписано сотрудничать с организациями системы ООН и действовать в соответствии с их целями.

А. Тимофеева предлагает специальный термин «Article 34 NGO» (НПО по смыслу ст. 34 ЕКПЧ) по примеру известной правозащитной организации «Article 19». Под НПО в смысле Конвенции понимается «коммерческий или некоммерческий субъект права, с или без официальной регистрации, который не принимает непосредственного участия в осуществлении государственных полномочий, но имеет достаточную степень независимости от государственного контроля. В соответствии с прецедентным правом ЕСПЧ такая организация будет иметь статус жертвы (Tymofeyeva, 2016: 91-102).

Конвенция предусматривает, что «жертвой» является лицо, чьи права, предусмотренные этим договором, были непосредственно нарушены действиями государства. В работе А. Тимофеевой рассматривается статус жертвы в отношении НПО.

В доктрине международного права различают три вида жертв: прямая, косвенная и потенциальная (Biriukov, 2015: 63-69). А. Тимофеева показывает специальные формы, в рамках которых НПО существует по смыслу статьи 34 Конвенции. Имеются в виду коммерческие субъекты и политические партии (Fura-Sandstom, 2007; Emberland, 2014). Кроме того, автор рассматривает четыре главные роли, которые НПО могут исполнять в ходе разбирательства в ЕСПЧ: 1) заявитель; 2) третья сторона; 3) представитель заявителя; 4) источник информации (Mayer, 2011).

Вторая глава книги посвящена отдельным правам, которые, по мнению автора, могут быть применимы к неправительственным организациям по смыслу статьи 34 ЕКПЧ. Представлен список статей Конвенции по правам человека при нарушении которых НПО могут иметь право считаться жертвой нарушения Конвенции (ст. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13 и 14). В этих случаях НПО могут подать жалобу в ЕСПЧ, где будут утверждать, что являются жертвами нарушения прав, закрепленных в дополнительных протоколах к Конвенции (ст. 1 и 3 Первого протокола к ЕКПЧ, ст. 2, 3 и 4 Протокола № 7 и ст. 1 Протокола № 12 к ЕКПЧ). Возможность добиваться признания нарушения указанных прав показана на примерах из практики ЕСПЧ.

В третьей главе книги исследуется проблема «справедливой компенсации» на основании статьи 41 Конвенции.

В первом разделе третьей главы проводится общее описание международных компенсационных механизмов, основанных на документах ООН и других организаций. Важным документом в этой области является Проект статей с названием «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 года.

Во втором разделе рассматривается механизм «справедливой компенсации» по Конвенции. Автор анализирует отдельные элементы компенсации – как материальный ущерб (pecuniary damage), нематериальный ущерб (non-pecuniary damage) и понесенные издержки (cost and expenses). ЕСПЧ указывает срок, в течение которого должна быть осуществлена выплата компенсации. Как правило, данный срок – три месяца со дня вступления в силу постановления Суда. ЕСПЧ также определяет размер процентов, которые должны быть выплачены заявителю в случае, если выплата справедливой компенсации не произведена в установленный Судом срок. Они обычно устанавливаются в размере предельной процентной ставки по займам ЕЦБ плюс три процентных пункта.

А. Тимофеева дает ответ на вопрос, почему суммы справедливой компенсации, признанные НПО за потерю имущества, зачастую выше, чем суммы присужденные родным погибших за нарушение ст. 2 ЕКПЧ (право на жизнь). Видимо, делает вывод автор, при охране имущественных прав ЕСПЧ компенсирует материальный ущерб, а в случае потери жизни – нематериальный.

Таким образом, по мнению автора, правовой статус НПО по Конвенции является исключительным. По смыслу ст. 34 Конвенции НПО считаются не только некоммерческие субъекты, но и политические партии, и коммерческие организации. Интересно, что для

подачи жалобы в ЕСПЧ НПО не должны регистрироваться в государстве, в котором они действуют. Очевидно, что для НПО главным признаком является независимость от органов власти. Необходимо, однако, подчеркнуть, что статус НПО в рамках Конвенции меняется. Он зависит от роли, которую организация играет в ходе разбирательства в ЕСПЧ. По мнению автора, НПО, действуя в качестве заявителя в рамках ЕКПЧ, обладают выгодным процессуальным положением. Ни один другой международный документ не предоставляет НПО такого спектра прав.

Работа А. Тимофеевой, безусловно, представляет собой добротное и качественное исследование Конвенции и практики ЕСПЧ. Она может быть рекомендована студентам юридических вузов и факультетов как в РФ, так и за ее пределами.

References

- [Biriukov, 2015](#) – *Biriukov, P.N.* (2015). Criminal liability of legal persons in EU-countries. Voronezh: VSU Publishing house. 319 p.
- [Emberland, 2014](#) – *Emberland, M.* (2003). The Corporate Veil in the Case Law of the European Court of Human Rights. *Za6RV* 63. 945-969.
- [Fura-Sandstom, 2007](#) – *Fura-Sandstom, E.* (2007). Business and human rights: who cares? In *Liber amicorum Luzius Wildhaber: human rights, Strasbourg views = Droits de l'homme, regards de Strasbourg*. Eds. Lucius Caflisch [et al.]. Kehl; Strasbourg; Arlington, Va.: N.P. Engel.
- [Lewis, 2014](#) – *Lewis, D.* (2014). Non-Governmental Organizations, Management and Development. Third Edition. David Lewis.
- [Lindblom, 2005](#) – *Lindblom, A.K.* (2005). Non-Governmental Organizations in International Law. Cambridge: Cambridge University Press.
- [Mayer, 2011](#) – *Mayer, L.H.* (2011). NGO standing and influence in regional Human Rights Courts and Commissions. *Brooklyn Journal of International Law*. Vol. 36.
- [Tomuschat, 2008](#) – *Tomuschat, C.* (2008). Human Rights Between Idealism and Realism, Second Edition. Oxford: Oxford University Press.
- [Tymofeyeva, 2016](#) – *Tymofeyeva, A.* (2016). European Committee for the Prevention of Torture in the Case-Law of the European Court of Human Rights. IN Pavel Šturma, Milan Lipovský (eds.). Preventivní mechanismy dle opčního protokolu k úmluvě proti mučení. Studies in Human Rights, № 11. Univerzita Karlova, Právnická fakulta, Praha.
- [Tymofeyeva, 2015](#) – *Tymofeyeva, A.* (2015). Non-Governmental Organisations under the European Convention on Human Rights: Exceptional Legal Standing. RWW Science and New Media Passau-Berlin-Prague.
- [Tymofeyeva et al., 2014](#) – *Tymofeyeva, A., Šturma, P.I, Bílková, V. and Jančárková, T.* (2014). Protection of human rights in the post-communist countries: In the context of the case-law of the European court of human rights. Prague: Faculty of Law, Charles University in Prague.
- [Tymofeyeva, 2013](#) – *Tymofeyeva, A.* (2013). Omezení práva na svobodu projevu na základě článku 17 Evropské úmluvy o lidských právech. In *Mezinárodněprávní aspekty ochrany lidských práv*. Prague: Faculty of Law Publishing House.
- [Tymofeyeva, Blstakova, 2013](#) – *Tymofeyeva, A., Blstakova, T.* (2013). Spravedlivé zadostiučinění na základě Evropské úmluvy o lidských právech. In *Odškodňování v mezinárodním právu*. Prague: Faculty of Law Publishing House.
- [Willetts, 2002](#) – *Willetts, P.* (2002). What is a Non-Governmental Organization. Output from the Research Project on Civil Society Networks in Global Governance.

Рецензия на книгу: Tymofeyeva A. Non-governmental organisations under the European convention on human rights: exceptional legal standing. Monografie. RWW Science and New Media Passau-Berlin-Prague, 2015. 338 p. ISBN 978-3-9816855-9-6

Алексей Александрович Моисеев ^{a,*}

^a Российская Ассоциация международного права, Российская Федерация

Аннотация. В рецензии исследуется правовое положение НПО по Европейской конвенции по правам человека. Доказывается, что й статус НПО в ходе разбирательства в ЕСПЧ является исключительным. Особое внимание в издании уделяется деятельности НПО в качестве заявителя и анализу статуса «жертвы» по Конвенции. Практика ЕСПЧ показывает, что не все права, закрепленные в Конвенции 1950 г. могут быть применены к НПО. За нарушение прав НПО по Конвенции ЕСПЧ присуждал им справедливую компенсацию, достигающую гигантских сумм.

Ключевые слова: Европейская конвенция по правам человека, Европейский Суд по правам человека, неправительственные организации, заявитель, правовой статус, справедливая компенсация.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: moiseevlaw@gmail.com (А.А. Моисеев)